

Том II – 2011

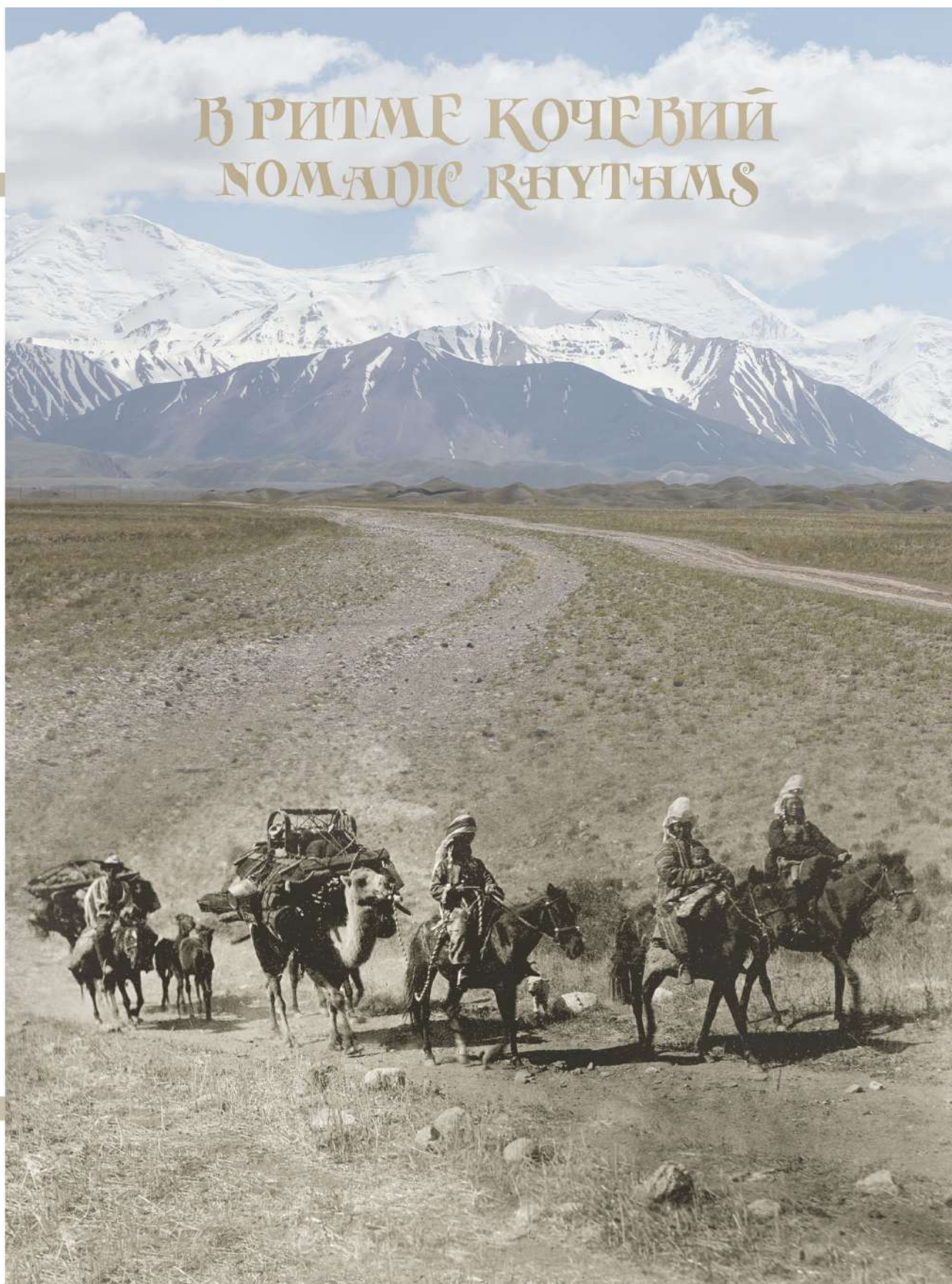
LAND of DIVERSITY

РАЗНАЯ ЗЕМЛЯ

Vol. II – 2011

В РИТМЕ КОЧЕВИЙ NOMADIC RHYTHMS

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

LAND of DIVERSITY

TCH

РАЗНАЯ ЗЕМЛЯ

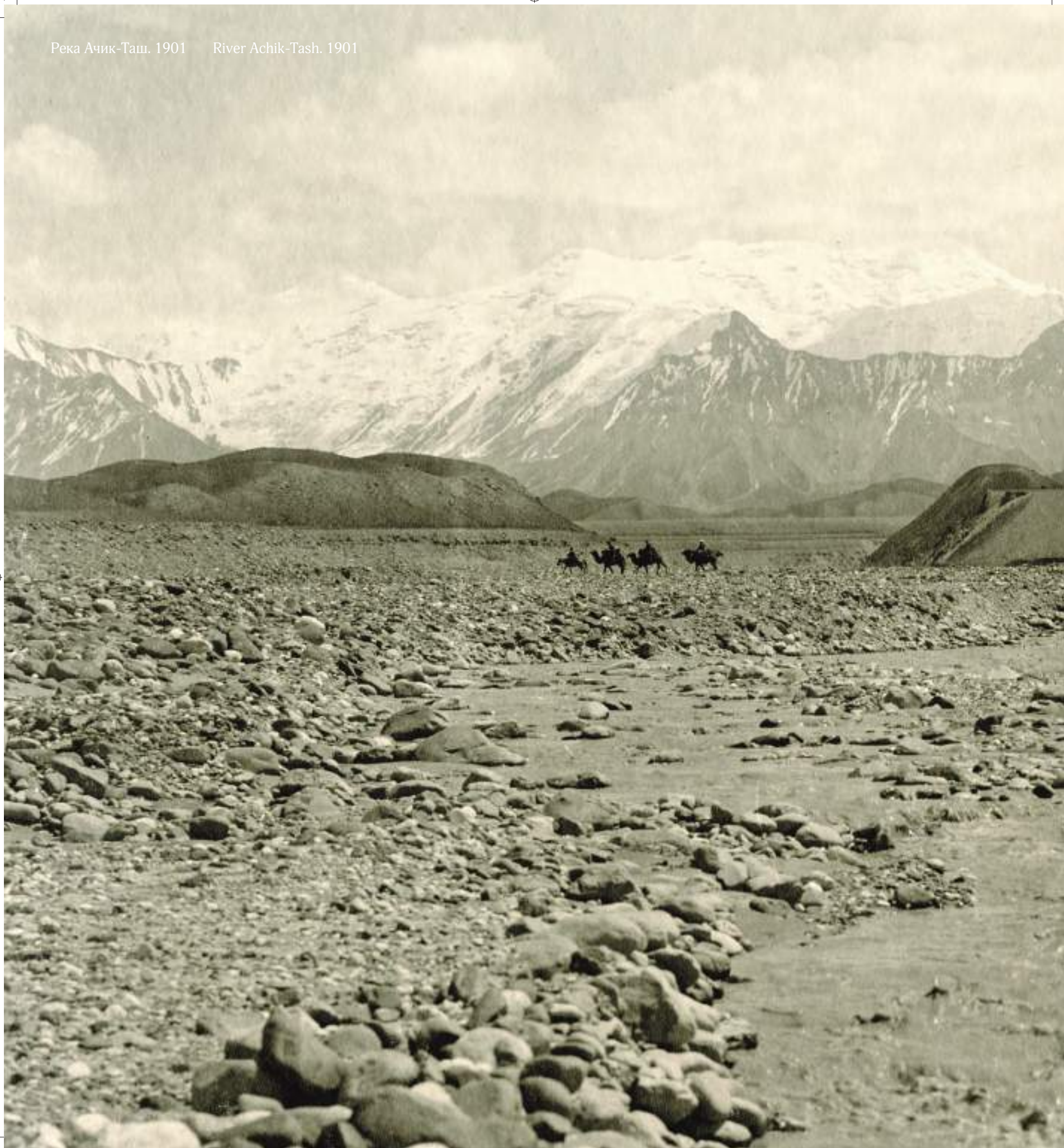
В РИТМЕ КОЧЕВИЙ NOMADIC RHYTHMS

Том II / Volume II – 2011

Река Ачик-Таш. 1901 River Achik-Tash. 1901

Автор идеи и куратор проекта «Разная земля»:
С.С. Сардаров

Организационная и финансовая поддержка проекта:
ООО «ТСН» (Техника специального назначения)

Альбом «В ритме кочевий»
издается в рамках проекта «Разная земля».

Концепция: К.Ю. Соловьева, Д.А. Баранов
Научный редактор: Д.А. Баранов

Авторы: Д.А. Баранов, К.Ю. Соловьева (предисловие,
тексты, подписи к историческим фотографиям)
Л.Ф. Попова, И.В. Стасевич (статья, легенда, тексты,
подписи к современным фотографиям)

Разработка маршрута экспедиции 2011 года:
Л.Ф. Попова, И.В. Стасевич

Фотографы: А.В. Жилин (современная часть),
О.В. Ганичева (с. 35, 57 внизу, 77, 163, 193, 204, 219)

Дизайн: К.Ю. Соловьева, А.В. Жилин

Сканирование фотографий: Я.И. Андреева, Н.А. Баранова
Карты: О.В. Ганичева

Редактор: О.А. Федосеенко
Верстка, подготовка оригинал-макета к печати: Т.Е. Иванова

Перевод на английский язык: Р.С. Смирнов
Редактор текста на английском языке: Е.С. Петрова

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2011
© С.С. Сардаров, идея проекта, 2011
© А.В. Жилин, фотографии, 2011
© О.В. Ганичева, фотографии, 2011
© АО «Славия», Санкт-Петербург, 2011
ISBN 978-5-9501-0201-1

Idea of the *Land of Diversity* Project originally put forward
by its Curator Sardar S. Sardarov

Organizational and financial support of the Project provided by
Special Purposes Machinery

Nomadic Rhythms Album
is published in the *Land of Diversity* Project

Concept by Karina Yu. Solovyeva and Dmitry A. Baranov
Scholarly Editorship by Dmitry A. Baranov

Texts written by D.A. Baranov and K.Yu. Solovyeva (foreword,
texts and inscriptions for historical photographs), L.F. Popova
and I.V. Stasevich (the article, legend, texts and inscriptions
for contemporary photographs)

2011 Expedition route planning
done by L.F. Popova and I.V. Stasevich

Photographs by A.V. Zhilin (contemporary section)
and O.V. Ganicheva (pp. 35, 57 bottom, 77, 163, 193, 204, 219)

Design by: K.Yu. Solovyeva and A.V. Zhilin

Photographs scanned by Ya.I. Andreyeva, N.A. Baranova
Maps prepared by O.V. Ganicheva

Russian original edited by O.A. Fedoseyenko
Page and book layout prepared for print by T.E. Ivanova

Translated from the Russian by R.S. Smirnov
English text edited by E.S. Petrova

© Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, 2011
© S.S. Sardarov, Project Idea, 2011
© A.V. Zhilin, Photographs, 2011
© O.V. Ganicheva, Photographs, 2011
© Slavia, St. Petersburg, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие	12
Foreword	13
Киргизия: наследие и современность	16
Kyrgyzstan: Legacy and Modern-Day Reality	18
Земля и люди / Land and People	23
Кочевка / Nomadic Movements	41
На просторах кочевий / On the Vast Expanses of Nomad Herding Pastures	59
Юрта / Yurt	81
В кругу семьи / In the Family Circle	103
Пища / Food	117
Одежда / Clothes	137
Ремесла / Trades	151
Верования и обряды / Beliefs and Rites	171
Базар / Bazaars	201
Указатель исторических фотографий	222
Index of Historical Photographs	223

ПРЕДИСЛОВИЕ

Альбом «В ритме кочевий» – второй в серии проекта «Разная земля». Само название серии подразумевает акцент на природно-географическом измерении культуры, что во многом определяет ее разнообразие.

Проект «Разная земля» посвящен знакомству и визуальной презентации культур, которые в силу разных причин – географической удаленности, архаизации, ориентированности на традицию и т.д. – сохранили свою «этническую» индивидуальность, не растворившись полностью в современном пространстве. Главной целью является пробуждение интереса к познанию себя и своей культуры, что возможно только через познание «другого» (по Лему – границы человека определяют Другие): прошлых исторических эпох, региональных и этнических традиций, социальных сообществ. Сейчас, в эпоху глобализации, как никогда актуальна проблема обретения человеком своей идентичности: вечный вопрос, тревожащий человека на протяжении всего времени его существования, это вопрос – «Кто я такой?». Инициирование беспокойства и любопытства в душах людей, далеких от позывов к саморефлексии, является сверхзадачей проекта. Сложность заключается в том, чтобы презентация иных культур вызвала интерес, чтобы в Другом человек увидел себя. Перефразируя Германа Гессе, можно сказать, что, интересуясь кем-то, нам любопытно в нем нечто такое, что есть в нас самих; то, чего нет в нас самих, нас не волнует.

В качестве объекта презентации выбраны сообщества, живущие в разных природных и историко-культурных условиях и предлагающие в определенном смысле альтернативные европейскому стилю жизни – алтайские старообрядцы, киргизы, монголы и тувинцы, западносибирские ханты и ненцы, народы Дагестана. В фокусе внимания – человек, осваивающий земные пространства, и тот культурный ландшафт, который он создал с помощью ремесел, промыслов, обрядовых практик и символической интерпретации окружающего мира.

Жанр альбома позволяет акцентировать внимание на наиболее ярких и запоминающихся образах культуры. Старые и современные фотографии с этнографическими комментариями дают возможность каждому совершить путешествия во времени и пространстве, погрузиться в иные культурные контексты, а значит и отстраниться от обыденной повседневности, чтобы увидеть «свое» как нечто новое и неожиданное, а «чужое» воспринять в призме узнавания в нем «своего».

Проект формирует визуальные образы культур, «пропущенные» через объектив фотоаппарата, но претендовать на объективность эти образы не могут, так как сам процесс фотосъемки – это результат выбора, обусловленного как общим культурным контекстом, так и поставленными перед фотографом задачами, его интересами и жизненным опытом. В этом смысле содержание фотоальбомов является своего рода зеркалом интересов и предпочтений двух эпох – начала XX и начала XXI веков.

Альбом «В ритме кочевий» посвящен кочевой культуре киргизов, образы которой представлены уникальными фотографическими коллекциями Российского этнографического музея второй половины XIX – первой трети XX века и цветными фотографиями 2011 года.

Книгу открывает краткий очерк, повествующий об особенностях мира кочевой культуры, для которого характерна устойчивость многих культурных практик: занятий, предметного мира, обрядов и верований. Фотографии Н. Нехорошева из Туркестанского альбома (1860–1870), Б.Л. Громбчевского, возглавлявшего экспедиции Российского императорского географического общества (1888–1890), С.М. Дудина, работавшего в экспедициях в Средней Азии в 1900-х годах, петербургского фотографа Б.Д. Гимера (1910-е) знакомят с культурой киргизов Алайской долины, Сырдарьинской области, а также горного Семиречья. Более поздние (1924–1927) фотографические коллекции Ф.А. Фиельструп и уникальные снимки, полученные из Центрального музея Киргизской АССР (1930), органично дополняют визуальный материал. В целом публикуемые фотографии дают не только возможность зримо представить экзотический мир загадочного Востока, но и репрезентируют ориенталистский, евроцентричный взгляд на Другого.

Современные фотографии сделаны во время экспедиции петербургских этнографов Л.Ф. Поповой, О.В. Старостиной (Российский этнографический музей), И.В. Стасевич (Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого. Кунсткамера) и фотографов О.В. Ганичевой и А.В. Жилина в северные и южные районы Киргизии в мае-июне 2011 года. Ландшафт, поселения, занятия и ремесла, обрядовые практики и, конечно, сами люди – это те запечатленные образы, которые характеризуют культурное пространство киргизов начала XXI века.

Выдержки из очерков начала XX века, принадлежащие перу Г.К. Гинса и военного писателя Б. Тагеева¹, а также полевые наблюдения 2011 года Л.Ф. Поповой и И.В. Стасевич, использованные в качестве комментариев к фотографиям и сюжетам, раскрывают смысловой контекст визуального материала. Сопоставление двух временных срезов, интересов и предпочтений двух эпох предоставляют читателю возможность самому определить, насколько изменился современный человек и есть ли что-то общее, объединяющее людей через несколько поколений. Сопричастность к исследовательскому опыту каждого из авторов совершает то, что подвластно только фотографии: она навсегда оставляет открытыми мгновения, возвращая их не только современникам, но и адресуя будущим поколениям.

Д.А. Баранов, К.Ю. Соловьева

¹ Гинс Г. В киргизских аулах (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник, № 10. 1913; Тагеев Б. Памирские киргизы конца XIX века // <http://www.easttime.ru/countries/int/1/4/75.html>

FOREWORD

This album, *Nomadic Rhythms*, is the second book in the *Land of Diversity* series. The very heading of the series implies a stress on the eco-geographic dimension of culture, which determines to a large extent the latter's extraordinary variety.

The *Land of Diversity* project aims at getting the public visually acquainted with and intelligibly introduced to cultures that have preserved their ethnic identity; whether this was caused by such circumstances as geographic remoteness, archaic lifestyle or the pull of tradition, they have not become dissolved altogether in the sea of modern living. The overriding objective of the publication is to awaken interest in the knowledge of one's own self and of one's culture, which is only possible through understanding *others* (according to Stanislaw Lem, the boundaries of *self* are determined by *others*) – such as past historical epochs, regional and ethnic traditions and social communities. Nowadays, in the global age, the issue of gaining personal identity is more pressing than ever before as the perennial question that has preoccupied humanity throughout its existence is “What Am I?” Thus the supertask of the project is to cause anxiety and curiosity in the hearts of those people who have never been subject to bouts of self-reflexion. The crux is to make the presentation of a different culture stir sufficient interest and enable a person to see her/himself in *another* one. To paraphrase Hermann Hesse, it can be said that when we take an interest in another person, we are curious about something they have in common with us, while we are indifferent to whatever is not present in ourselves.

We have targeted for the presentation in the project ethnicities that live in different conditions of environment, history and culture, whose life styles are in a sense alternative to the European model: the Old Believers of Altay, the Kyrgyz, the Mongolians, the Tuvans, the Khants and Nenets of West Siberia and the peoples of Daghestan. The project is focused on communities that grappled with difficult surroundings while creating new cultural landscapes with the help of their trades and crafts, ritual practices and symbolic interpretation of the world round them.

The album format makes it possible to highlight the most vivid and memorable manifestations of culture. Old and contemporary photographs provided with ethnographic comment enable anyone to make journeys in time and space, immersing in unfamiliar cultural contexts and thus escaping the routine of everyday life in order to see their own world as something new and unexpected and same time to perceive the alien through the prism of recognition as something of their own.

The project creates visual images of cultures passing through the camera lens; the images, however, cannot claim to be objective since the process of photography is itself the result of a choice arising both from the general cultural context and the tasks set for the photographer and their interests and life experiences. In this sense, the content of this photo album is like a mirror that reflects interests and preferences of the two epochs: the early 20th and early 21st centuries.

The *Nomadic Rhythms* album is devoted to the nomadic culture of the Kyrgyz, whose manifestations are recorded in the unique photographic collections of the Russian Museum of Ethnography on black-and-white pictures taken in the second half of the nineteenth and the first third of the twentieth century, as well as a group of colour photographs dating from 2011.

The book opens with a brief foreword outlining the peculiarities of the world of nomadic culture with its characteristic sustained cultural practices, such as trades and crafts with their products and the world of objects they have created or their rites and beliefs. Photographs by N. Nekhoroshev from the Turkestan Album, by B.L. Grombchevsky, who headed the Russian Imperial Geographic Society's expeditions (1888–1890), by S.M. Dudin, who took part in Central Asian expeditions in the 1900s and by St. Petersburg photographer B.D. Gimer (1910s) – familiarize the reader with the culture of the Kyrgyz who live in the Alai Valley, in the Syrdarya Region and in the Mountainous Semirechye. The somewhat later photo collections (1924–1927) of F.A. Fielstrup and the unique shots received from the Central Museum of Kirghiz ASSR (1930) naturally complement the other visual materials. All in all, the photographs published in the album do more than visually reproduce the exotic world of enigmatic Orient: they in fact represent the Orientalist, Eurocentric vision of Otherness.

The contemporary photographs in this album were taken during the expedition by St. Petersburg ethnographers L.F. Popova, O.V. Starostina (The Russian Museum of Ethnography), I.V. Stasevich (The Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, aka Kunstkamera) and photographers O.V. Ganicheva and A.V. Zhilina to the northern and southern regions of Kyrgyzstan in May–June 2011. The landscapes, settlements, trades and crafts, rites and customs, as well as the people themselves were the recorded images that characterize the cultural space of the Kyrgyz in the early 21st century.

Excerpts from sketches written in the early 20th century by G.K. Gins and military writer B. Tagheyev¹, as well as the 2011 field observations by L.F. Popova and I.V. Stasevich, which have been used as comments for photographs and stories, explicate the context of the visual materials. Thus juxtaposed, the two sections of time showing the interests and preferences of the two epochs, enable the reader to judge by themselves how much present-day people have changed and whether there is something in common that spans several generations and unites people.

Coupled with each of the writers' personal experience of research work, photography succeeds in accomplishing what it alone can: still the moment for good not only for the benefit of its contemporaries, but for future generations as well.

D.A. Baranov and K.Yu. Solovyeva

¹ Gins G. In *Kirghiz auls (Sketches from a trip to Semirechye)*, Historical Herald, n. 10. 1913; Tagheyev B. The Pamir Kirghiz of late 19th century//<http://www.easttime.ru/countries/int/1/4/75.html>

КИРГИЗИЯ: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Происхождение людей одинаково, но сами они разные.

Восточная пословица

Среди народов Средней Азии киргизы являются, пожалуй, самым загадочным народом, настолько сложны и далеко не ясны проблемы его этнической истории, спорны концепции происхождения различных племенных групп, вошедших в состав этого народа, недостаточно изучены те или иные стороны его материальной и духовной культуры. Во многом это объясняется узостью базы исторических источников, поскольку и путешественники, и специалисты-историки редко попадали в этот труднодоступный горный край, население которого отличалось независимостью и воинственностью и к тому же вело мобильный образ жизни. Одним из первых обстоятельных исследований по культуре киргизов явился труд знаменитого казахского просветителя Чокана Валиханова «Записки о киргизах», созданный им во время своего путешествия в Кашгар в 1856 году. Дальнейшее научное освоение края было связано с российской колонизацией, начавшейся после падения Кокандского ханства в 1876 году.

Киргизы – тюркоязычный, в прошлом кочевой, народ, называющий себя «кыргыз». В русских исторических источниках киргизов называли также «бурутами», «дико-каменными киргизами» или «кара-киргизами» с тем, чтобы отличить их от «киргизкайсаков» – так в тех же источниках именовались казахи. Этноним «киргиз» был закреплен конституционно в 1936 году вместе с провозглашением Киргизской Советской Социалистической Республики. После образования независимого Кыргызстана 31 августа 1991 года народ обрел историческое самоназвание «кыргыз».

Нигде не ощущается так отчетливо величие и древность Мира, как в горах. Здесь, в Киргизии, можно найти почти все природные зоны, свойственные Северному полушарию нашей планеты. Такая специфика климатических и природных зон привела к удивительному разнообразию ландшафтов, а говоря современным языком, к видовому разнообразию экосистем, которые естественным образом связаны с формированием духовного мира народа, населяющего эти территории, имеющего богатые традиции устойчивого взаимодействия с природой. Эта земля словно была создана для жизни кочевников. Испокон веков киргизы

поклонялись силам природы – грозному Небу – Көкө Теңир, духам Земли и Воды – Джер Суу, обретали опыт не покорения, а гармоничного сосуществования человека и природы. Их Вселенная – это Земля, по которой они кочуют, Небо, населенное богами и духами предков. До сегодняшних дней природные объекты – озера, горы и перевалы, пещеры и родники, необычного вида деревья – почитаются киргизами как святые места, имеющие своих духов-покровителей, олицетворяющие слияние истории земли и истории человека.

Киргизская земля необычайно богата историческими памятниками – от стоянок древнего человека каменного века до культурных сооружений XIX–XX веков. Находясь в святилище под открытым небом с наскальными рисунками-петроглифами далекого бронзового века, ощущаешь двойственность времени: прошлое и настоящее сливаются в едином потоке. Древние камни с рисунками сцен охоты, фигурами животных и небесных светил – своего рода молитвы, запечатленные на камне тысячи лет назад. Но и сегодня среди камней можно увидеть следы почитания – лоскутки ткани, привязанные к кустарникам, огарки ритуальных свечей. Местное население считает эти памятники не просто уникальными музейными комплексами, застывшей историей, а своим живым наследием. Для них это послания, оставленные далекими предками, а помнить деяния предков – святая обязанность следующих поколений.

Киргизы исповедуют ислам суннитского толка, который широко распространился среди населения относительно поздно – в XVII–XVIII веках. Современная религиозная ситуация представляет собой своеобразное слияние домусульманских воззрений и норм ислама. Посещая мечеть, киргизы не забывают и о почитании святых мест, связанных чаще всего с обожествлением природных сил и объектов. Паломники обращаются со словами молитв к Богу, к покровителю святого места, просят о здоровье, психологическом и эмоциональном благополучии семьи.

Киргизы – исконные кочевники-скотоводы. Как и сотни лет назад, одним из их основных занятий остается разведение скота. Далеко не последним критерием оценки достатка и благополу-

чия семьи все еще является количество животных, находящихся в собственности у главы семьи. Сезонные перекочевки всей семьи, а тем более родственной группы, практически ушли в прошлое, но и в наши дни, если есть возможность, часть родственников, которые постоянно живут в сельской местности, откочевывают со стадами на летние пастбища. Горожане считают за благо посещение этих летовок и с большим удовольствием проводят часть летних месяцев у своих родственников на природе.

В таких ситуациях не обойтись без традиционного жилища скотовода – юрты. Юрта поражает своей логически выверенной конструкцией, соразмерными человеку пропорциями, мобильностью. Великий архитектор XX века Ле Корбюзье отмечал, что юрта – одно из высочайших достижений мировой архитектуры. И сегодня это жилище, ставшее ведущим символом культуры кочевого народа и насчитывающее не одну тысячу лет своей истории, не уходит в прошлое, а все еще востребовано и активно функционирует в современном мире, соседствуя с новейшими изобретениями человечества.

Климатические условия оказывали большое влияние также и на одежду. Мужчины в основном носили войлочные халаты с поясом из холста, овчинные тулупы, шляпы без украшений и сапоги из сыромятной кожи; нательная одежда состояла из распашной рубахи и шаровар. Женский костюм включал платье-рубашку и шаровары; сверху надевали распашную юбку, безрукавку, халат, меховую шубу; на голове замужние женщины носили тюрбан *элечек*, тюбетейки, меховые шапки. Обувь обычно покупали готовую – красные или зеленые сапожки на каблуках. В настоящее время прежнее значение сохраняет только мужской головной убор *калпак* из тонкого белого войлока, который изготавливается с учетом возрастных градаций. Современный женский национальный костюм, включающий бархатный халат *шапан* и тюрбан *элечек*, востребован в дни праздников, особенно при проведении Нового года – Нооруза.

Удивительно, сколько древних технологий еще сохраняется в обиходной практике киргизов, но еще более восхищают творческая фантазия и тонкий вкус, проявляемые при создании со-

временных дизайнерских вещей, многие из которых изготовлены с опорой на традиционные ремесленные навыки. Древние орнаментальные мотивы оживают в современном народном искусстве. Киргизский орнамент – это документированный памятник давно минувших эпох. Мотивы орнаментов имеют самую непосредственную связь с миром окружающих человека предметов, животных и явлений, став своеобразным символическим языком самобытной культуры. И пусть сегодняшние мастера далеко не всегда могут объяснить суть воспроизводимого узора, это не лишает изделие внутренней гармонии, согревающей душу в суете повседневности.

Неумолимое время заставило многих кочевников изменить свою жизнь – оставить кочевой образ жизни, перебраться жить в города. Но современные киргизы осознают необходимость сохранения своих лучших национальных обычаев и традиций. Ведь именно через традицию осуществляется неразрывная связь между предками, старшими представителями рода и молодым поколением. Кочевая жизнь, преобразованная достижениями цивилизации, продолжает оставаться для киргизов жизненно значимым способом существования.

Л.Ф. Попова, И.В. Стасевич

KYRGYZSTAN: LEGACY AND MODERN-DAY REALITY

People's origins are identical, but they themselves are different.

Oriental proverb

Of all the nations of Central Asia the Kirghiz are probably the most enigmatic people, for the issues of its ethnic history are exceedingly involved and far from clear, whereas the concepts of the origins of its constituent tribes are controversial and certain aspects of its material and spiritual culture are insufficiently studied. To a large extent this is due to the scarcity of historical sources as professional historians seldom made way to this mountainous region difficult of access, whose population was known for their independent and bellicose character and had a mobile life style into the bargain. One of the first sound studies of Kirghiz culture was the work of the eminent Kazakh educator Chokan Valikhanov: *Notes about the Kirghiz*, written during his travel to Kashgar in 1856. Subsequent exploration and study of the region was connected with Russian colonization, which started after the fall of the Kokand Khanate in 1876.

The Kirghiz are a formerly nomadic Turkic-speaking people who called themselves “Kyrghyz”. In Russian historical sources they were referred to also as “Buruts”, “wild-stone Kirgiz” or “Kara-Kirghiz”, to distinguish them from “Kirghiz-Kazakhs”, as the Kazakhs were called in the same sources. The ethnonym “Kirghiz” was constitutionally approved in 1936 simultaneously with the proclamation of the Kirghiz Soviet Socialist Republic. After Kirghistan became independent on 31 August 1991, the people regained their historical self-name as *Kyrgyz*¹.

Nowhere else can one sense so keenly as in the mountains how majestic and ancient the World is. Here, in Kirghizia, one can find practically every climate and vegetation zone characteristic of the northern hemisphere of our planet. This unique feature resulted in an astonishing variety of terrain and scenery – or, to use a current scientific cliché, in a great diversity of species and ecosystems that are naturally connected with the formation of the spiritual world of the people inhabiting these territories, who maintain rich traditions of sustainable cooperation with the environment. This land seems to have been created for a nomadic way of life, as it were. From time immemorial the Kirghiz worshipped the elements, such as the thunderous Sky (*Koko Tenir*) or the spirits of Earth and Water (*Dzher*

Suu) and accumulated experience of harmoniously coexisting with Nature rather than harnessing it. Their Universe is the Land on which they herd and the Sky which gods and their ancestors' spirits inhabit. To this day the Kirghiz treat as holy such landmarks as lakes, peaks and mountain passes, caves and springs or weirdly shaped trees, which they believe have their own protecting spirits and embody the merger of natural and human history.

The Kirghiz land is very rich in monuments of history, from Stone Age man's sites to religious structures dating from the 19th and 20th centuries. When you are in an open-air sanctuary looking at rock pictures from the distant Bronze Age, you feel the duality of time as the past and present blend in one stream. The petroglyphs with scenes of hunts, animal figures and celestial bodies are like prayers recorded on stone thousands of years ago. But even today one can see there traces of recent worship, such as strips of cloth tied to shrub branches or ritual candle ends. The local people regard these monuments not only as unique museums or frozen history, but also as their own live heritage. To them the monuments are messages left by ancestors in remote past, while remembering the deeds of ancestors is a holy duty of subsequent generations.

The Kirghiz profess Sunni Islam, which spread widely among the local population relatively late – in the 17th and 18th centuries. The current religious situation is a peculiar blend of pre-Islamic beliefs and Islamic norms. Although they are mosque-goers, the Kirghiz do not forget to worship old holy places that are generally connected with their practice of deifying the elements and idolizing certain objects. Pilgrims address their prayers to the Lord and to the protector of the holy place, asking them to give health, psychological and emotional wellness to their families.

The Kirghiz are natural nomadic breeders of livestock and cattle, the occupation remaining as it did hundreds of years ago one of the most important ones. The number of animals owned by the head of the family is still one of the main criteria in assessing a family's income. Seasonal relocations of families, especially those accompanied by relatives, have become a thing of the past, but even these days if there is an opportunity, some rural families still go to summer

pastures with their herd, so their relatives who live in town are happy to spend part of their summer vacation with their kinfolk in the mountains.

In situations of this kind the traditional nomadic yurt is indispensable. This dwelling is astonishing for its logically sound design, man-friendly proportions and portability. The great 20th-century architect Le Corbusier once observed th yurt was one of the greatest achievements of world architecture. Even nowadays this centuries-old type of dwelling, one of the main symbols of nomadic culture, has not outlived its usefulness, but is still in demand and functions effectively in the world of today alongside humanity's latest inventions.

The local climatic conditions had a considerable effect also on the national clothing. Men generally wore Oriental robes made of felt belted with strips of canvas, sheepskin coats, unadorned hats and high boots made of rawhide; worn next to the skin were loose shirts and wide trousers. Women's dress consisted of a shirt-dress and wide trousers, over which a loose skirt was worn, a sleeveless jacket, a robe and a fur coat; married women wore turbans (*elechek*) on their heads, embroidered *tiubeteyka* skull-caps or fur hats. Footwear was usually bought ready-made: red or green high boots on heels. At present the same importance as before is retained only by the men's *kalpak* hat made of white thin felt, which is shaped with the wearer's age taken into account. Contemporary women's national costume includes a *shapan* velvet robe and an *elechek* turban, which are appropriate for festive occasions, especially at *Nooruz* (New Year) parties.

A surprisingly large number of ancient technologies still survive in the everyday life of the Kirghiz, but even more thrilling and admirable is the creative fantasy and exquisite taste manifest in the making of designers' contemporary articles, many of which are produced through the artisan's reliance on traditional handicraft skills. Ancient ornamentation motifs virtually come alive in present-day folk art. Kirghiz ornamentation is a documented monument of bygone epochs. Its motifs display an immediate connexion with the world of the objects, animals and phenomena surrounding the local

people and constitute a peculiar idiom of this highly original culture. And even though the artisans of today are not always capable of explicating the pattern they are reproducing, this does not deprive the product of their work of its inner harmony, which warms the beholder's heart in the hectic restlessness of everyday life.

Merciless time has compelled a great many nomads to change their life, give up their nomadic life style and settle in towns. Nevertheless, the Kirghiz of today are poignantly conscious of a need to preserve their best national customs and traditions, for it is through tradition th indissoluble connection between ancestors, elders and the young generation is effected. Nomadic life, complemented by achievements of civilization, still remains for the Kirghiz a viable and vital mode of life.

L.F. Popova and I.V. Stasevich

¹ The translator has used in this album both the older forms Kirghiz and Kirghizia and their current versions Kyrgyz and Kyrgyzstan, trying to avoid the latter with regard to pre-independence times, and regrets any inconvenience this may cause the reader.

Дочь хана имела обыкновение делать дальние прогулки в сопровождении сорока девушек-прислужниц. Однажды, возвратившись домой после обычной прогулки, ханская дочь, к великому своему удивлению и страху, увидела одни только остатки своего аула – все было разрушено неприятелем. На месте аула девушки нашли одно живое существо – красную собаку (*кызыл тайган*). [...] Царевна, а за ней ее прислужницы стали матерями, имея в товариществе один только мужской соблазн – красную собаку. Потомство сорока девиц – *кырк кыз* – начало называться по числу своих матрон народом киргиз.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата. 1961. Т. 1. С. 343.

A khan's daughter was in the habit of taking long walks in the company of forty of her young female attendants. One day she returned home after her regular walk to see, to much surprise and fear, only some remains of her aul, where everything had been destroyed by enemies. The young girls found just one live creature in the aul – a red dog (*kyzyl taikhan*). [...] The princess became mother, her servants following suit, with just one male seducer: the red dog. The progeny of the forty maidens (*kyrk kyz*) was named after the number of their mothers.

Ch.Ch. Valikhanov. Collected works. Alma-Ata. 1961, vol. 1, p. 343.

Кочевники-киргизы [...] издавна залили живую волной все степные области и значительную часть Туркестана.

Летом здесь жарко, но зимою (декабрь-март) снег до пояса, хотя сама река льдом никогда не покрывается.

Только нужда, да вековая привычка к этой [...] природе могут заставить [...] поселиться здесь, где на протяжении более ста верст не встретишь никого, кроме голых скал и архаров...

С давних пор долина служит местом летовок киргиз [...], которые прибывают на Алай в конце мая или в начале июня и остаются почти до сентября, когда уже и возвращаются на свои зимовки в Фергану. Всего прибывает летом в Алайскую долину около тысячи юрт. Зимою кибитки остаются только в западной части Алая, всего 300 юрт.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

LAND AND PEOPLE

In days of yore, Kirghiz nomads, like a huge human wave, flooded all the steppe areas and a considerable part of Turkestan.

It is hot here in summer time, but in winter (December to March) the snow is waist-deep, although the river itself never freezes.

Need alone, coupled with age-old adaptation to the environment, can force one to settle here, with nothing but bare rocks and wild rams to see for a hundred miles away.

Since remote times the valley has been the favourite camping site of the Kirghiz, who arrive in the Alai area in late May or early June and stay almost until September, when they return to their winter locations in Fergana. A total of about a thousand yurts reach the Alai Valley in early summer. As few as 300 yurts remain for winter, in the western part of the valley only.

Ущелье Андаульгам. 1902
Andaulgam Ravine. 1902

Ущелье Кара-Кыз. 1902
Kara-Kyz Ravine. 1902

Перевал Терек-Даван. 1901
Terek-Dawan Pass. 1901

Мост через реку Чаткаль. 1902
Bridge across the River Chatkal. 1902

Киргиз. 1871–1872
Kirghiz man. 1871–1872

Киргизка. 1871–1872
Kirghiz woman. 1871–1872

Женщина и девочка.
Перевал Гурумды. 1901

Woman and a little girl.
Gurumdy Pass. 1901

Молодые мужчины.
Перевал Гурумды. 1901

Young men.
Gurumdy Pass. 1901

Большая часть Киргизии расположена в пределах горных систем Тянь-Шаня и Памиро-Алая, которые обуславливают разнообразие видов ландшафта – долины и урочища, стремительные реки и ручьи, пещеры, ущелья, водопады, горные озера, термальные источники. Горы определяют основные занятия населения, одним из которых является кочевое скотоводство, играющее и по сей день важную роль в системе жизнеобеспечения. Киргизия имеет выгодное геополитическое положение, связывая Китай и Средний Восток, что издавна обусловило сложение на ее территории широкой сети торговых трасс, в том числе и Великого шелкового пути.

Most of Kyrgyzstan is located within the bounds of the Tian-Shan and Pamir-Alai mountain systems, with consequent diversity of its terrain, embracing as it does valleys and hills, dashing rivers and streams, caves, ravines, waterfalls, mountain lakes and geothermal springs. The mountains preordain the population's main occupations, one of them being nomadic herding, which plays an important part in the country's system of livelihood provision to this very day. Kyrgyzstan enjoys an advantageous geopolitical position as a link between China and the Middle East, due to which a network of trade routes, including the Great Silk Road, were formed here ages ago.

Долина реки Суусамыр
Suusamyr River Valley

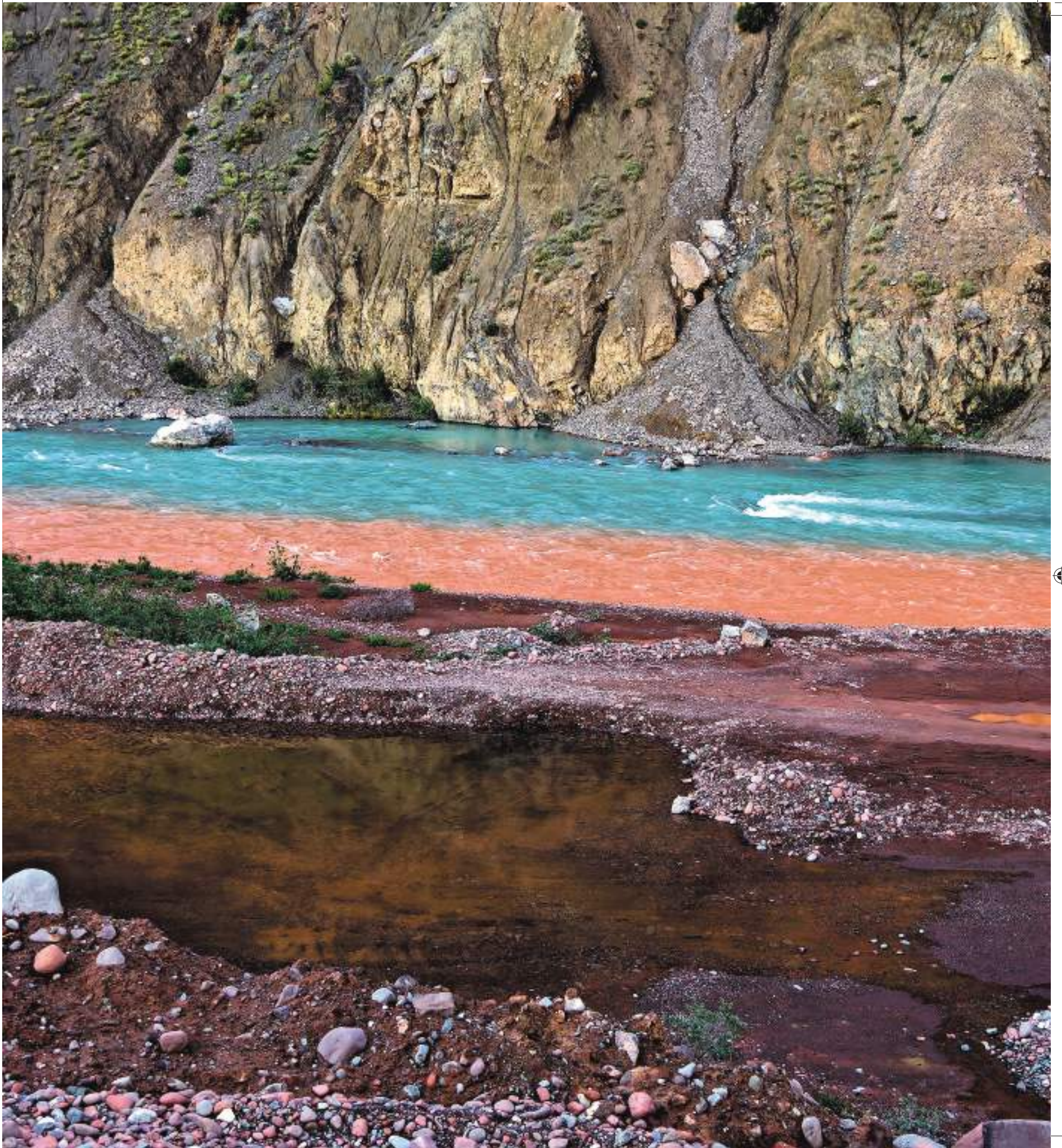

Чуйская долина
Chu Valley

Река Чу
River Chu

Девочка. Перевал Долон
Little girl. Dolon Pass

Аксакал. Город Узген
Aksakal (venerable old man). Town of Uzgen

Жители поселка Сары-Могол
Inhabitants of Sary-Mogol settlement

Девочка. Поселок Сары-Могол
Girl. Sary-Mogol settlement

Переселяются киргизы обыкновенно родами, потому что земля здесь принадлежит родам, а не отдельным семьям; да, отстоять свои права на эти никем не защищаемые и ничем неограниченные пастбища от захвата другими кочевниками под силу только всему роду.

В начале августа киргизы откочевывают в равнину. С гор медленно спускаются караваны. Всадники везут мех с кумысом, всадницы – детей, а на верблюдах или быках нагружены юрты, сундуки с утварью и ковры, любимое украшение Востока. «Спрятан пестрый ковер надежд в сундук ожиданий», – говорит киргизская поговорка, отражая вкусы кочевников.

КОЧЕВКА NOMADIC MOVEMENTS

The Kirghiz usually relocate to other camps as clans because land belongs here to extended rather than to individual families; also, protecting their title to these pastures, which are not the property of anybody else, from the intrusion of other nomads is a task that only the entire clan can handle.

In early August the Kirghiz travel back to the valley. Caravans slowly move down from the mountains. Horsemen carry wineskins filled with *kumys* beverage, horsewomen carry their children and lead camels, while oxen are loaded with yurts, chests holding utensils and carpets, the most favoured decoration in the Orient. This Kirghiz saying appropriately reflects the nomad's taste: "The bright-coloured rug of hopes is hidden in the chest of expectations."

Перекочевка. Алайский хребет. 1929
Moving yurt camp. Alai Range. 1929

Караван. 1929
Caravan. 1929

На отдыхе во время кочевки. 1901
Taking rest during relocation. 1901

Молодуха на перекочевке. 1925
Married young woman in camp relocation.
1925

Бык во время перекочевки. 1925
Oxen during camp moving. 1925

Девушка перед перекочевкой. 1925
Young girl ready for camp moving. 1925

Дорога по реке Пандж. 1871–1872
Road along the Pandj River. 1871–1872

Кочевка. 1901
Moving yurt camp. 1901

Волокуши. 1927
Volokusha (horse-drawn load-moving device). 1927

Вьючение верблюда. 1929
Loading a camel. 1929

Кочевка у села Троицкого. 1902
Herding camp by the village of Troitskoye. 1902

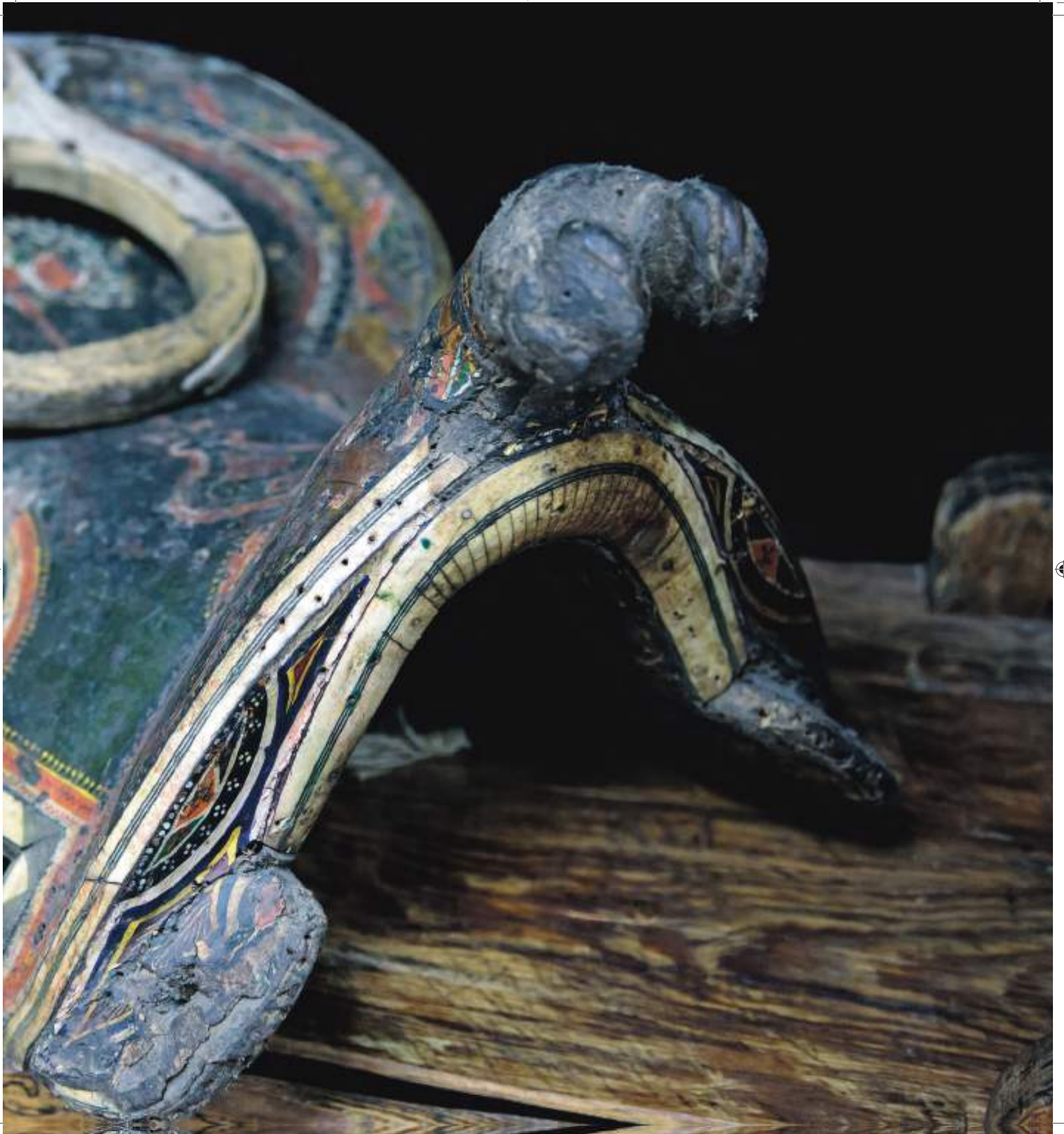
Традиционный тип скотоводства у киргизов связан с сезонными перекочевками на новые пастбища. Разведение скота при этом имеет не только экономическое значение, но и является престижным занятием. Маршруты кочевок в горах не меняются веками, поскольку зависят от характера местности – доступных перевалов, троп, мостов, водопоев.

The Kyrgyz traditional type of livestock and cattle breeding is connected with seasonal moves to new pastures. This nomadic herding is not only economically viable, but is also a prestigious occupation. The routes to camps in the mountains have not changed for centuries because they depend on the terrain, accessible passes, trails, bridges and watering places.

Седло мужское. Город Бишкек
Men's saddle. City of Bishkek

Долина реки Суусамыр Suusamyr River Valley

Дорога в поселок Сары-Таш
Road leading to Sary-Tash settlement

Всадник. Поселок Чон-Каракол
Horseman. Chon-Karakol settlement

Шофер. Город Ош
Driver. City of Osh

Волокуша
Volokusha (horse-drawn
load-moving device)

Дорога в поселке Чон-Каракол
Road in Chon-Karakol settlement

Дорога в поселок Иркештам
Road leading to Irkeshtam settlement

Летовка. Дети. Поселок Сары-Могол
Summer yurt camp. Children. Sary-Mogol settlement

Летовка. Дети у юрты. Долина реки Суусамыр
Summer yurt camp. Children by the yurt. Suusamyр River Valley

В долине реки Суусамыр
In the valley of River Suusamyr

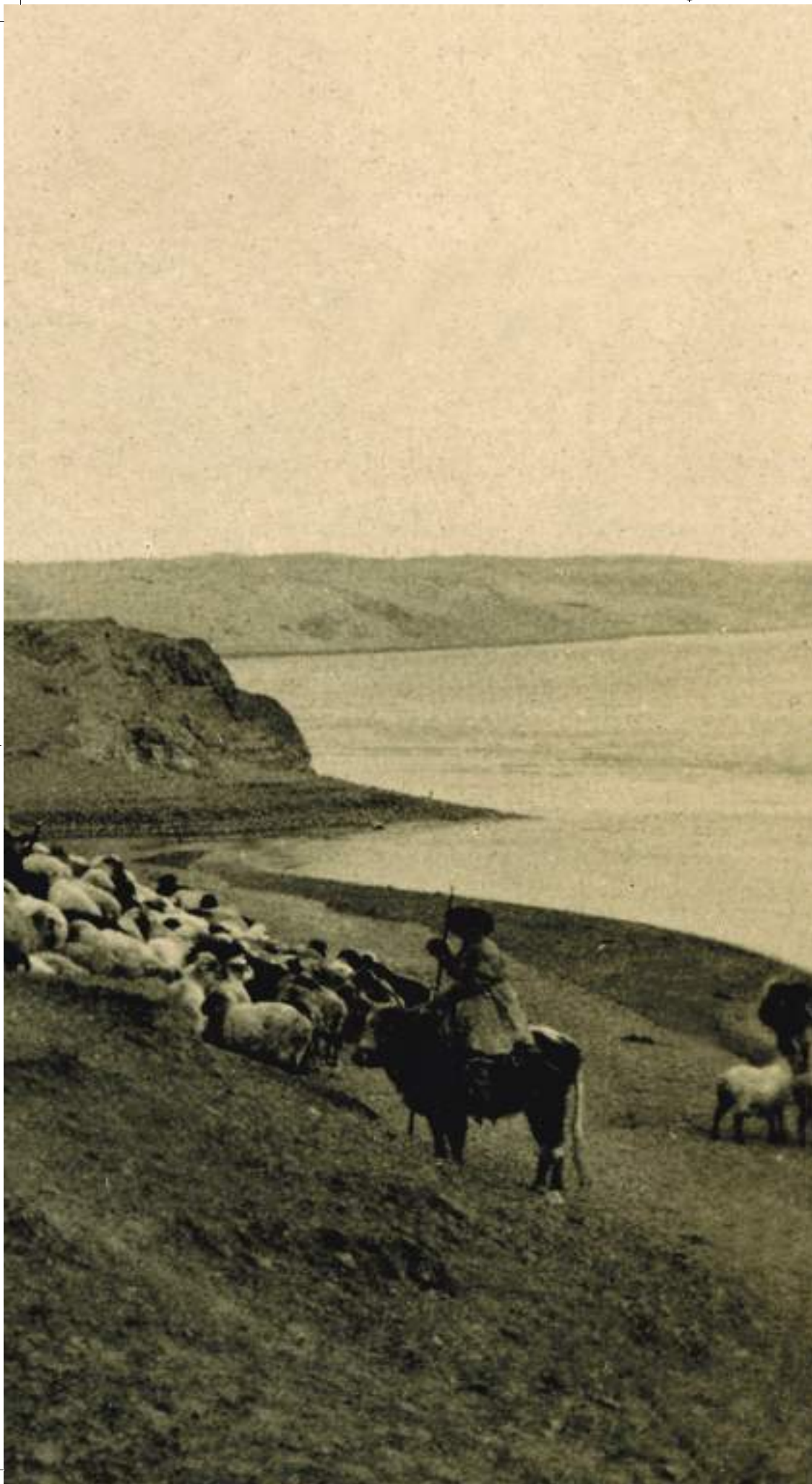

Перекочевка на озеро Сонг-Куль
Moving camp to Lake Song-Kul

Главным промыслом служит скотоводство, которым занимаются все жители Алая. Ежегодно в Алайскую долину прибывает в среднем лошадей до 6 тысяч, крупного рогатого скота 3 тысяч голов, верблюдов – 1,5 тысячи и баранов и коз до 30 тысяч. Огородничество, садоводство, охота и горные промысел не развиты, а торговли никакой. Алайская долина является широкой дорогой, связывающей Бухару с Восточным Туркестаном, но удобною только в летнее время.

НА ПРОСТОРАХ КОЧЕВИЙ

ON THE VAST EXPANSES OF NOMAD HERDING PASTURES

Livestock and cattle rearing is the main occupation of the inhabitants of the Alai Valley. Every year an average of up to 6,000 horses, 3,000 head of cattle, 1,500 camels and up to 30,000 sheep and goats arrive in the Alai Valley. Vegetable gardening, horticulture, hunting and mining are not developed, nor does any merchandise trade exist. The Alai valley is a broad road connecting Bukhara with Eastern Turkestan but it is convenient in summertime only.

У водопоя. Конец XIX века
At a watering place. Late 19th century

Вечер в ауле. Урочище Куром. 1901
 Evening in an *aul* village. Kurom landmark locality. 1901

Доение кобылы. 1929
 Milking a mare. 1929

Пастухи около шалаша. 1927
 Herdsmen near their shelter of branches. 1927

Ребенок около теленка яка. 1929
Child near a yak calf. 1929

Стрижка овец (*кой кыргат*). Аул Чон Узынгыр. 1929
 Shearing sheep (*koi kyrgat*). Chon Uzynghyr aul. 1929

Доение коз (*ичке сойт*). Аул Чон Узынгыр. 1929
 Milking goats (*ichke soit*). Chon Uzynghyr aul. 1929

Дубление овчины кислым молоком (*тере ашатат, айран коят*).
 Аул Чон Узынгыр. 1929

Tanning sheepskin with sour milk (*tere ashatat, airan koyat*).
 Chon Uzynghyr aul. 1929

На соколиной охоте. 1910-е годы
Falconry scene. 1910s.

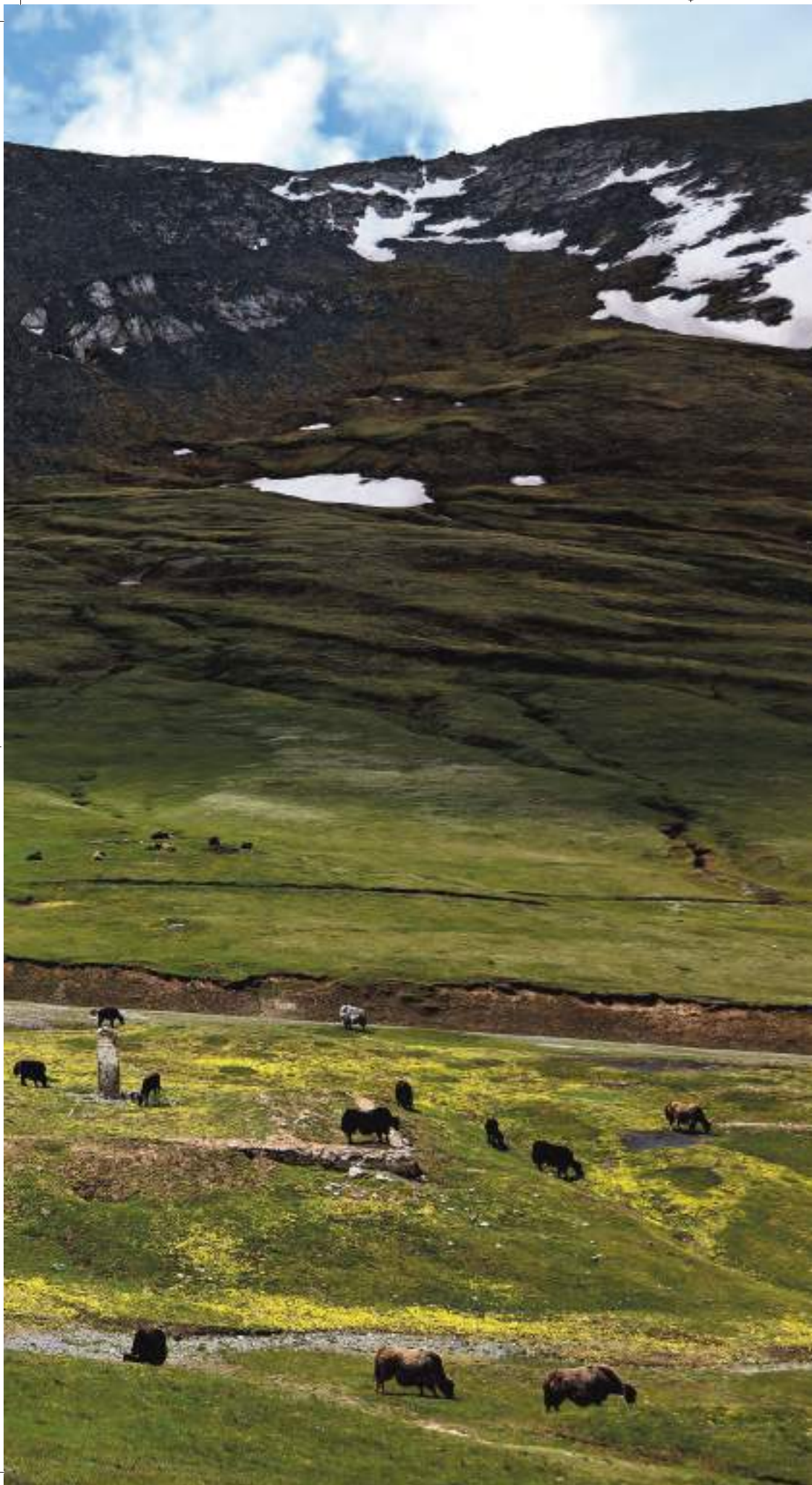

Памирский охотник. 1871–1872
Pamir hunter. 1871–1872

Благосостояние семьи по-прежнему исчисляется размером поголовья скота. В состав стада входят лошади, овцы, козы, яки и крупный рогатый скот. Лошадь остается наиболее ценным животным, дающим человеку мясо и молоко для приготовления традиционного напитка – кумыса. Лошадь незаменима как верховое животное, и конный всадник в сельской местности является одной из привычных фигур повседневного культурного ландшафта. Зимой скот находится в долинах под прикрытием зимних построек, а летом перемещается на летние пастбища в высокогорье. В семьях чабанов царит строгий порядок, подчиненный ритму выпаса, кормления и доения скота.

A family's wealth is still measured by the size of its herd. The herd includes horses, sheep, goats, yaks and cattle. The horse still remains the most valuable animal as it gives meat and milk to make the traditional Kyrgyz beverage, *kumys*. The horse is indispensable as a riding animal, so a horseman is one of the commonest figures of the cultural landscape in the countryside. The nomadic routes have remained the same over centuries as they match the features of the terrain, such as accessible mountain passes, trails, bridges and watering places. In winter the animals are given shelter in sheds or barns, while in summer they graze on pastures high in the mountains. A strict order reigns in herdsman's homes, where everything is dominated by the rhythm of pasturing, feeding and milking.

Стада яков. Перевал Томурун
Yak herds. Tomurun Pass

Долина реки Суусамыр
Suusamyr River Valley

Рисовые поля в окрестностях города Узген
Rice fields in the vicinity of the town of Uzgen

Доение кобылицы.
Долина реки Суусамыр

Milking a mare.
Suusamyr River Valley

Загон для молодняка
Enclosure for young livestock and cattle

Перегон стада на летовку
Moving a herd to summer pastures

Выпас яков. Перевал Талдык
Pasturing yaks. Taldyk Pass

Доение яка
Milking a yak cow

Пасека близ поселка Токтогул
Apiary near Toktogul settlement

В урочище Булёлю
In Buliolu locality

Перегон лошадей на новое пастбище. Долина реки Суусамыр
Horses herded on to a new pasture. Suusamyр River Valley

Объездка молодого коня. Перевал Чаар
Breaking-in of a young stallion. Chaar Pass

За водой. Алайская долина
Water-carrier. Alai Valley

Летовка. Алайская долина
Summer yurt camp. Alai Valley

Киргизские юрты состоят из складных плетеных стенок и плетеной из жердей конусообразной крыши. Все покрыто толстым войлоком. Отверстие в виде кольца оставляется лишь для выхода дыма на самом верху крыши, кроме того, оставляется еще четырехугольное отверстие для дверей. Во время дождя и на ночь все это закрывается. В юрте ночует человек десять, да еще нередко и молоденький ягненок или козленок.

Кочевки по долине Алая разбросаны небольшими группами в 5–6 юрт по горным рекам; на каждую юрту приходится по 5–10 человек. Постоянно живущие в западной части долины киргизы имеют свои зимовки по ущельям Алайского и Заалайского хребтов. Дров в долине достать нельзя, а топливом служит только кизяк.

ЮРТА YURT

Kirghiz yurts consist of collapsible wicker walls and a conical roof made of tied bent poles, covered with thick felt. An opening in the form of a ring is provided only at the very top of the roof for smoke to escape; also, a rectangular opening is made for the door. These are closed for the night or rain. About ten persons can sleep inside, plus often enough a young lamb or kid.

Nomads' camps are scattered about the Alai Valley on the banks of mountain streams in groups of 5 to 6 yurts, with 5 to 10 persons per each. The settled Kirghiz of the western part of the valley have their winter camps in the ravines of the Alai and Trans-Alai Ridges. Firewood is not available in the valley, where the only fuel is dry dung.

Небольшая юрта (*алачик*) для дальних кочевок. 1924
Small yurt (*alachik*) for far-away pastures. 1924

Внутри юрты. 1929
Inside a yurt. 1929

Степной аул Ак-Бай. 1929
The steppe Ak-Bai *aul* village. 1929

Приготовление кизяка. 1929
Dung brick making. 1929

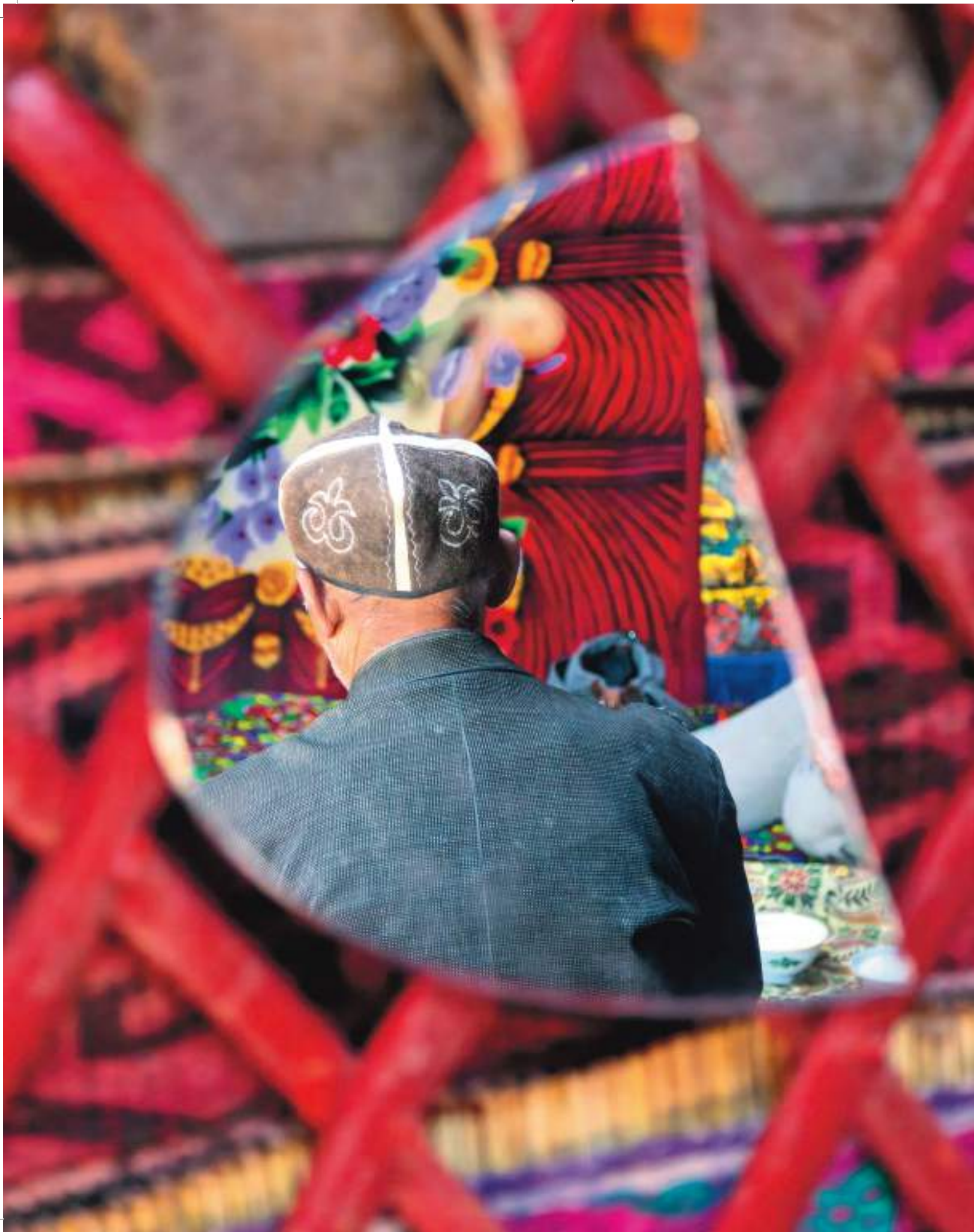
Переноска юрты (алачик). 1925   Carrying a small yurt (*alachik*). 1925

Юрта является одним из наиболее ярких символов кочевой культуры. Конструктивными элементами юрты служат раздвижные решетки, дверь, купольные жерди и купольный обод с пазами для верхних концов жердей. Готовый каркас скрепляется тесьмой, веревками, ткаными полосами, а затем его оборачивают циновкой и войлочными покрывками. Сборка юрты традиционно была женским занятием, но сейчас с этим ловко управляют и мужчины. После установки юрты хозяева, как и много веков назад, устраивают праздничную трапезу, благословляя свое жилище, при этом через обод бросают куски пищи в качестве жертвоприношения. Купольный обод считается семейной святыней, именем которой дают клятвы.

Внутреннее пространство юрты имеет строгое деление на мужскую и женскую половины, почетное место *тор*, находящееся напротив входа, и наименее престижное пространство около входа. Мужская половина предназначена для гостей, здесь хозяин дома хранит предметы ухода за скотом и конскую упряжь. На почетном месте находятся самые ценные вещи семьи, *джук* – сложенные стопкой одеяла, подушки и другие постельные принадлежности на фоне настенного панно *тушкииз*. Здесь пребывает хозяин дома и наиболее уважаемые гости. На женской половине, около входа, помещаются утварь и запасы пищи.

The yurt is one of the most colourful symbols of nomadic culture. Its main structural elements are collapsible lattices, a door, cupola poles and a cupola ring with holes for the upper ends of the poles. The assembled framework is tied with tape, rope and woven strips; then it is covered with grass matting and felt. Traditionally, assembling the yurt was supposed to be women's work, but these days men also manage the job with ease. After putting up the yurt, its owners arrange a feast, just as they did centuries ago, to bless their dwelling; pieces of food are thrown into the yurt as a sacrificial offering through the cupola ring. The cupola ring is revered as the family's sacred heirloom, and the Kirghiz can even swear by it when making a vow. The space inside the yurt is stringently divided into the male and female halves; the most honourable place, *tor*, is opposite the door and the least prestigious space is by the entrance. The male part of the yurt is designed for guests; here the master keeps objects he uses to tend animals, as well as his horse harness. The family's most valued belongings occupy a place of prominence: the *juk* (pillows, blankets and other bedding arranged in a tidy pile) is kept under the wall panel called *tushkiiz*. The master of the house spends his leisure and receives guests here. In the women's section kitchen utensils and food supplies are kept near the entrance.

Летовка. В долине реки Суусамыр

Summer yurt camp. Suusamyр River Valley

Установка юрты
Assembling a yurt

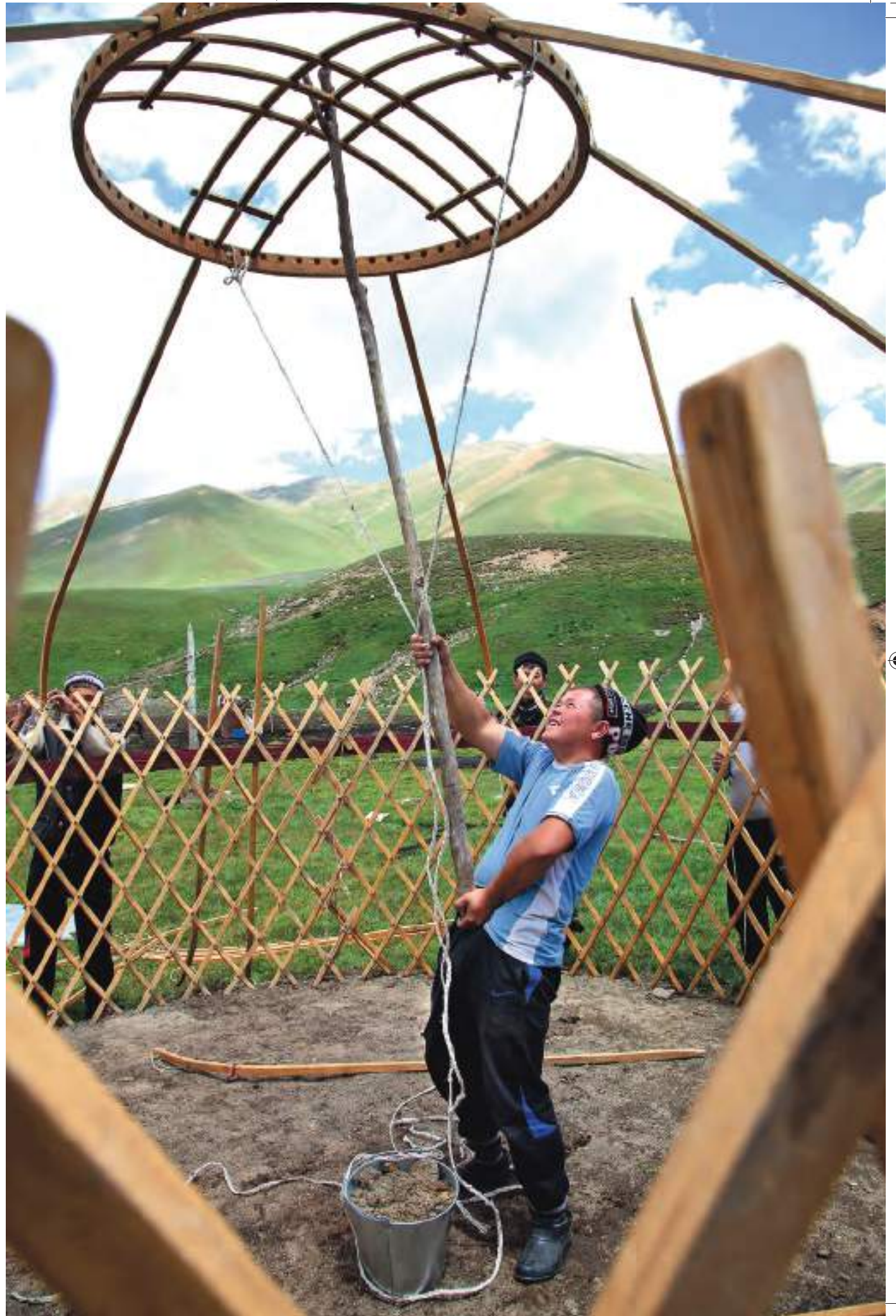

Установка юрты. Долина реки Суусамыр
Assembling a yurt. Suusamyr River Valley

Установка юрты. Долина реки Суусамыр
Assembling a yurt. Suusamyр River Valley

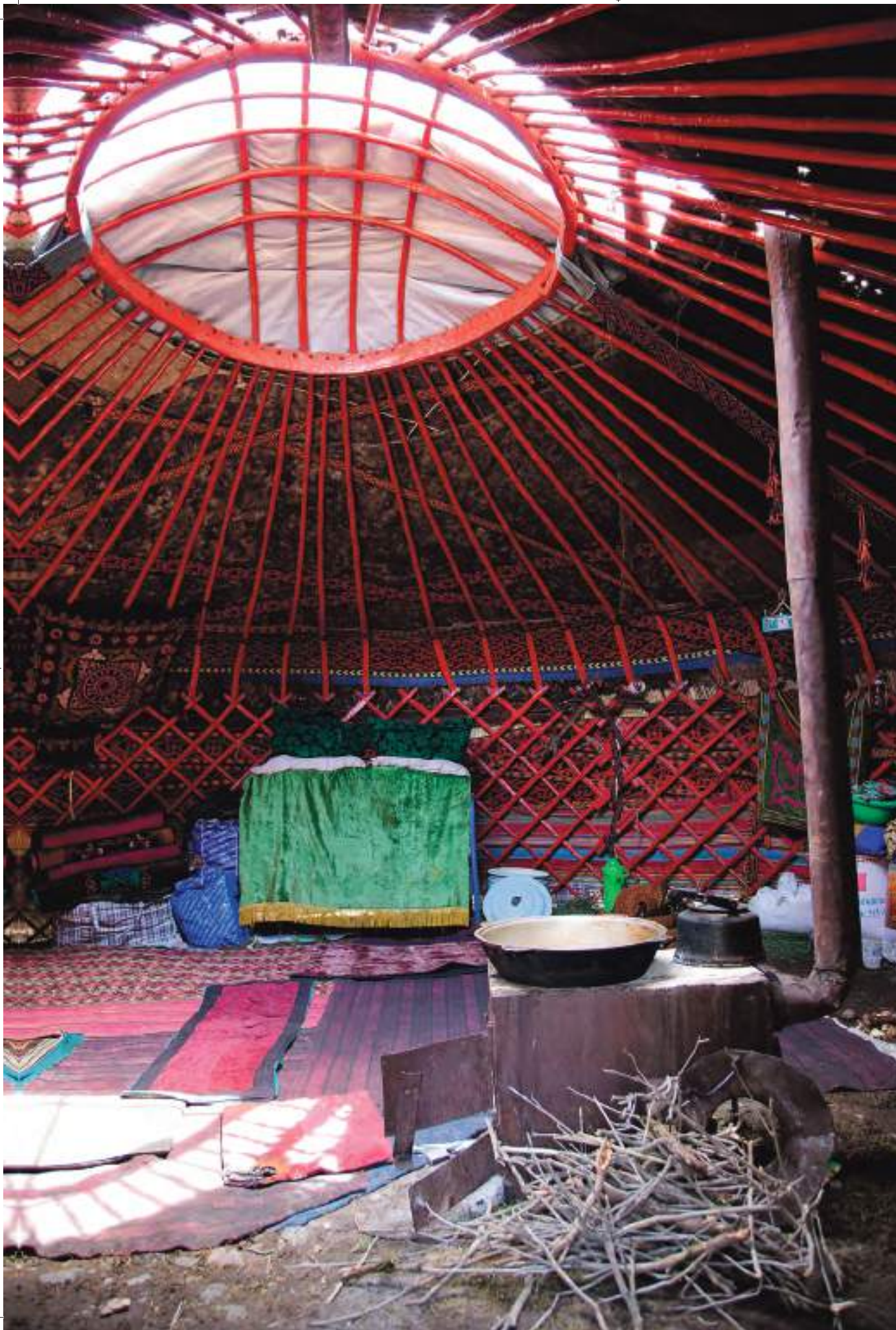

Традиционное украшение-оберег юрты *teteghe*.
Алайская долина

Teteghe (traditional decoration of the yurt and
its mascot). Alai Valley

Почетное место в юрте
Place of honour in the yurt

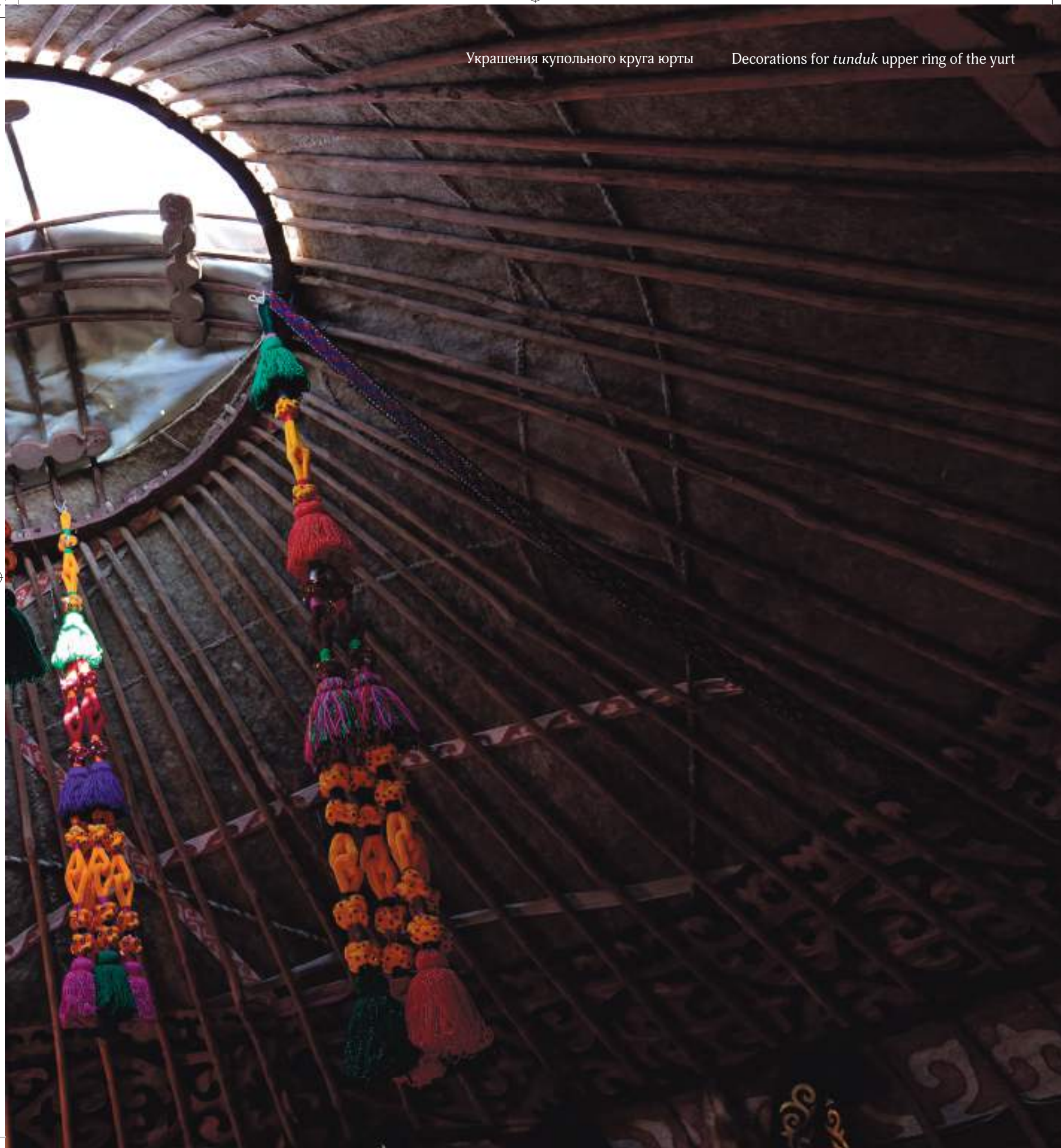
Интерьер юрты
Yurt interior

Крепление купольных жердей
Fastenings for cupola poles

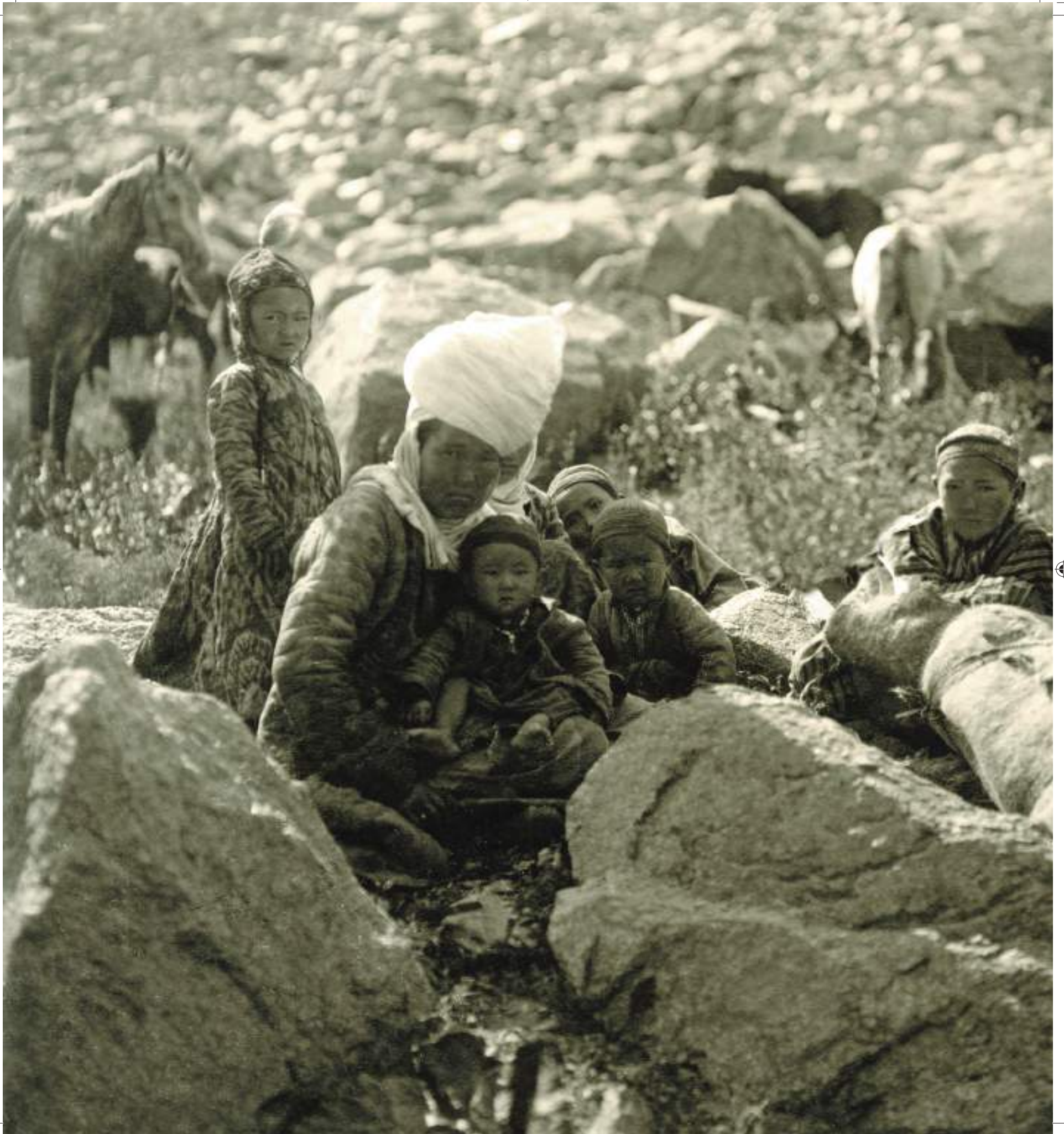

Родовая связь у киргизов [...] довольно сильна... При неразвитости земледелия, которое носит второстепенный подсобный характер, кормиться самостоятельным трудом негде, создается экономическая зависимость от старших: они дают лошадей, дают скот. Жену покупают за калым, который дает отец. Если последний беден, то приходится отказываться от брака и долго собирать средства; если же он дает калым, то создается зависимость семейная.

И вот юрта родоначальника остается в центре, а юрты других ставятся вокруг нее. Чем родовитее человек, тем больше у него влияния: хотя бы он и не был очень богат, его выбирают в старшины, в бии (судьи).

У киргизов много правил этикета, правил вежливости, нарушение которых считается неприличным... В их числе – правило почитания старших, почитания мужчин женщинами, правила умеренности в пище, когда угощают, безразличия к женщинам на людях и другие. При натуральном хозяйстве киргизов, тем, у которых нет никаких запасов для продажи, без гостеприимства пришлось бы голодать.

В КРУГУ СЕМЬИ IN THE FAMILY CIRCLE

The Kirghiz have quite strong kinship ties. With crop farming ancillary and undeveloped, it is hard to earn a living by independent work and consequently an economic reliance on elders is formed as they provide horses and livestock. A wife for a son is bought by the father, who pays the *kalym* bride-price. If the father is poor, then the son has to abstain from marriage and save hard for a long time; when the *kalym* is given by the parent, a family dependence is forged. The yurt of the family head usually stands centre, while the others are put up round it. The higher one's origins, the more influence one wields: even if he is not very rich, he has better chances of being elected an elder or a judge (*biy*).

The Kirghiz observe numerous rules of etiquette and politeness, breaking which is regarded as indecent. They include the dictate of respect for seniors, respect of men by women, moderate eating when you are an invited guest, indifference to women in public, etc. Oriental hospitality sanctified by religion and rooted as a duty in people's sense of justice had its origins in the conditions of nomadic life and the low density of settlements. With their subsistence economy the Kirghiz, who have no resources to sell, would starve if it were not for hospitality.

Женщина с детьми. Урочище Турпак-Бел. 1902

Woman with children. Turpak-Bel landmark locality. 1902

Семья. 1929
Family. 1929

Старик. 1929
Old man. 1929

Семья в зимней юрте. 1910-е годы
Family in a winter yurt. 1910s.

Бий с женой. Урочище Куркур-Су. 1902
Biy (rich land owner) with wife. Kurkur-Su landmark locality. 1902

Традиционное питье кумыса. 1929
Traditional *kumys* drinking. 1929

Девочки. Река Ак-Булак. 1902
Little girls. River Ak-Bulak. 1902

Незыблемы патриархальные основы семьи, поскольку ее главой всегда считается старший мужчина – аксакал, которого все называют отцом – *ата*. Именно он формирует бюджет семьи и определяет основные семейные стратегии. Статус женщины – хозяйки дома также по традиции очень высок, поскольку женщины у кочевников всегда пользовались широкими правами. В руках женщины находится та важнейшая сторона повседневной культуры, без которой невозможно благополучие семьи – порядок, стол, атмосфера душевного тепла, а также уют, который в немалой степени обеспечивают вещи, изготовленные руками хозяйки. Согласно нормам обычного права отцовский дом наследует младший сын, который и должен опекать родителей в старости.

The patriarchal basis of the Kyrgyz family has always been inviolable as it is invariably headed by its oldest male member, *aksakal*, whom all the family calls Father – *ata*. It is he who forms the family's budget and lays down its key strategies. Traditionally, the status of the woman who runs the house is also very high as nomad women have always enjoyed wide rights. The woman controls that most vital part of mundane culture without which the family's wellbeing is impossible, with its orderliness, meals, cordial atmosphere and cosiness, the latter largely depending on wh woman herself has made with her own hands. According to the rules of common law, the youngest son inherits his father's house and is supposed to take care of his parents in their old age.

Ребенок в традиционной колыбели *бешик*.
Поселок Сары-Могол

Baby in a traditional cradle, *beshek*.
Sary-Mogol settlement

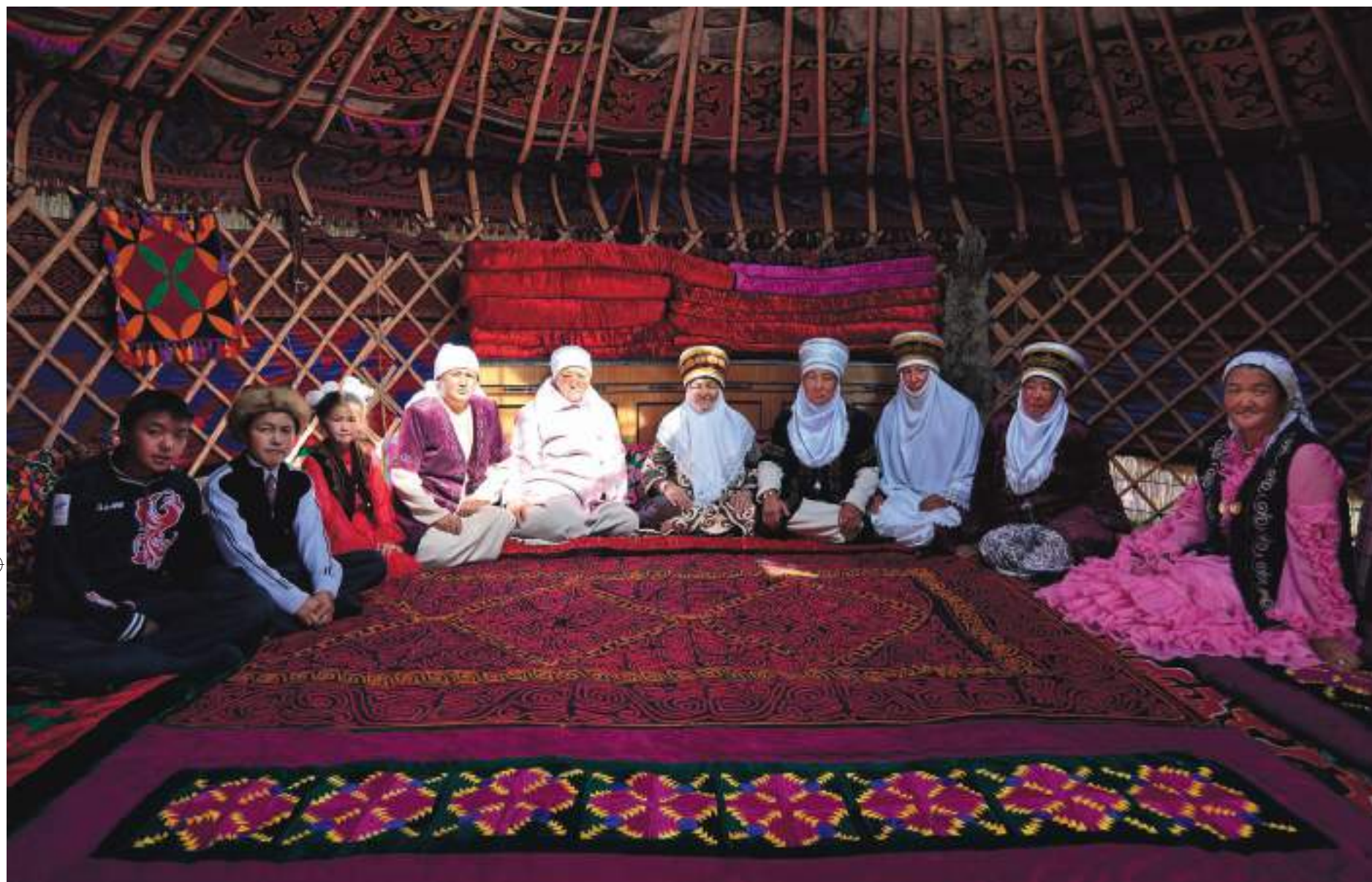
Семья в юрте. Летовка около поселка Сары-Могол
Family in a yurt. Summer camp near Sary-Mogol settlement

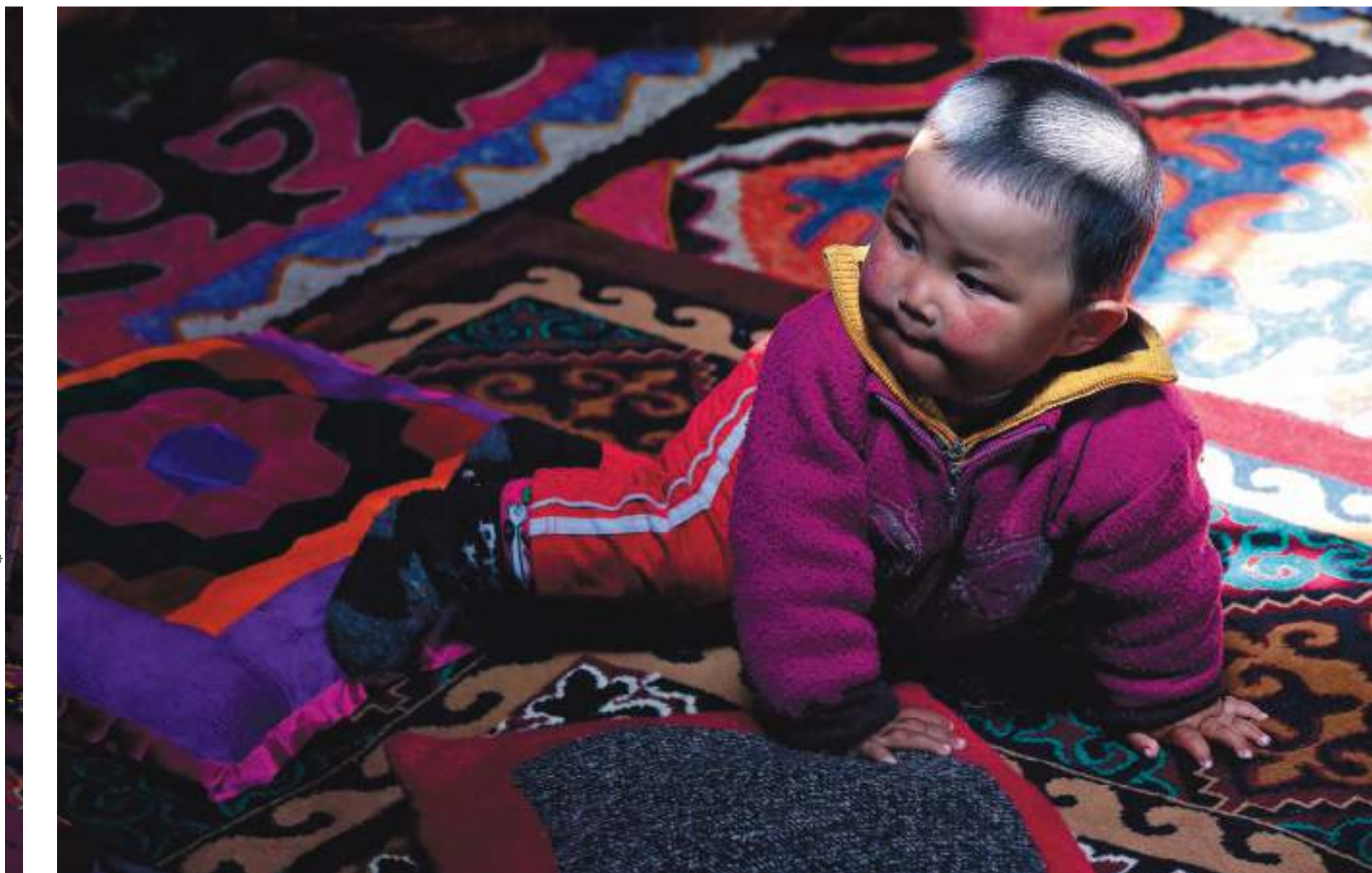
На летовке. Долина реки Суусамыр
Summer yurt camp. Suusamur River Valley

В юрте на празднике в честь 200-летия Курманжан Датки. Поселок Чон-Каракол
Inside a yurt: celebration of Kurmanjan Datka's bicentennial. Chon-Karakol settlement

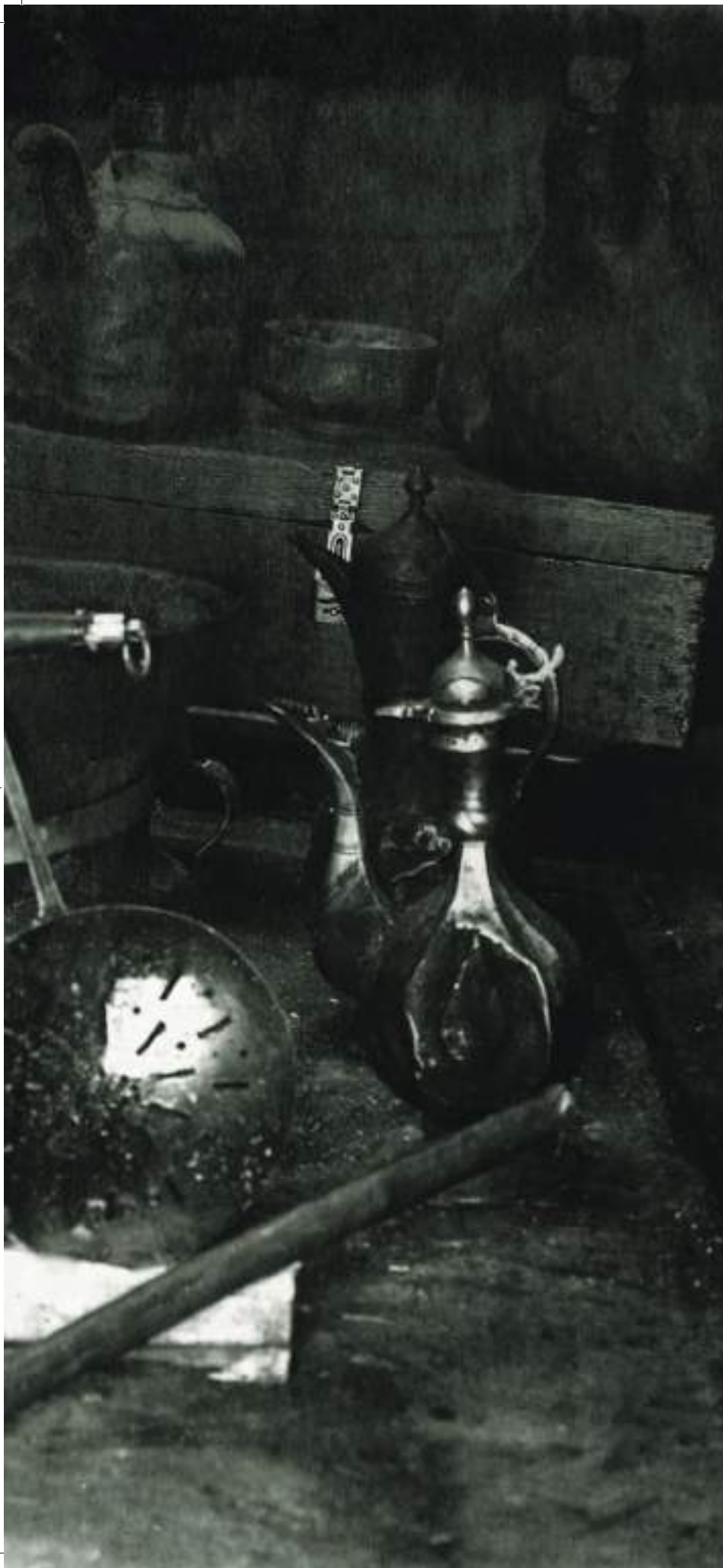

Ребенок в юрте. Летовка в окрестностях поселка Сары-Могол
Child in a yurt. Summer camp near Sary-Mogol settlement

Киргиз может похвастаться своим кулинарным искусством: редкий из наших поваров может приготовить баранину так, как киргиз. Из какой бы бедной семьи киргиз ни был, он всегда сумеет сделать из барана какое угодно туземное кушанье и так искусно, что я всегда предпочту их приготовление нашему...

Войдешь в юрту и только успеешь усесться на *кошму* (войлок), как сейчас же начинается угощение чаем, *баурсаками* (тесто, вареное в сале). Болтая с киргизами в юрте, сидишь, пока не начнет гостеприимный хозяин угощать целым рядом блюд, состоящих из баранины во всех видах. Подают и суп – просто немного соленый мясной навар с таким огромным количеством красного перца, что потом долго горит во рту – и вареную баранину, или же мелко нарезанную кусочками и жареную в сале, а то иногда и просто кусок мяса, жареного на вертеле. Все общество принимается с аппетитом жевать своими здоровыми зубами кушанья, и скоро, обтерев свои руки об сапоги или о полы засаленных халатов, проговорив обычное «Алла», снова принимается за чай.

ПИЦА FOOD

The Kirghiz justly boast their culinary skills, and indeed rarely will our cooks succeed in preparing mutton or lamb as the Kirgiz do. Their men, even those from poorest families, are always able to cook such a delicious local mutton dish that I will always prefer their cooking to ours...

The moment you enter the yurt and take a seat on the *koshma* (felt), you are offered tea and *baursaks* (deep-fat dough fries). Chatting with the Kirghiz in the yurt, you must sit until your open-handed host begins laying on an assortment of dishes consisting of mutton in every form. Soup is also served: it is slightly salted meat broth with such an enormous quantity of red pepper in it that your mouth burns for a long time; boiled mutton is also offered, as well as small pieces of it fried in fat – or even just a lump of grilled meat. The company sets to eat with appetite, chewing the food happily with their healthy teeth. Then, after wiping their hands with the laps of their robes or on their high boots, they say the usual “Allah” and again have tea.

Кухонная утварь. 1910-е годы   Kitchen utensils. 1910s.

Женская половина зимней кибитки. 1910-е годы
Women's part in a *kibitka* hooded cart. 1910s

Приготовление айрана. 1929
Making *ayran* beverage. 1929

Переноска воды. Урочище Баука. 1901
Carrying water. Bauka landmark locality. 1901

У печи. 1927
By the hearth. 1927

Юрта бия на реке Така. 1901
Biy's yurt on River Taka. 1901

Выпекание лепешек. 1902
Baking flatbread. 1902

Приготовление сыра. 1929
Cheese making. 1929

Бий – старик. 1929
Old *biy* (rich land owner). 1929

Традиционные блюда в современной культуре киргизов являются наиболее престижными и обычно подаются на праздничный стол или готовятся для гостей. В северных районах Киргизии таким блюдом служит *бешбармак* – вареное мясо, чаще всего баранина, нарезанное мелкими кусочками, положенное поверх слоя лапши и залитое небольшим количеством бульона с луком. На юге страны предпочитают плов. Излюбленным напитком до сих пор является перебродившее кобылье молоко – *кумыс*, который готовят весной и ранним летом. Традиционное блюдо *олобо* варят из легких барана, наполненных молоком. Веками для кочевников была особенно важна заготовка пищи впрок, например, сушка сыра *курт*. Среди мучных изделий наибольшее значение имеет хлеб в виде лепешек, который в кочевьях пекут на стенках котлов.

The most prestigious in today's Kirghiz cuisine are traditional dishes, which are usually served at holiday feasts or cooked for guests. In the northern part of Kyrgyzstan, there is a dish called *beshbarmak* – boiled meat, usually lamb, cut into small pieces and laid on below of noodles with a little onion bullion poured onto it. In the south of the country they prefer *pilau*, the recipe for which the Kyrgyz have borrowed from the Uzbeks. The Kyrgyz people's most favoured beverage is mare's fermented milk *kumys*, which they prepare in spring and summer. Another traditional dish, known as *olobo*, is cooked from a ram's boiled lungs, filled with milk. For centuries an important task for the Kyrgyz has been the conservation of food for future use, such as the drying of *kurt* cheese, which is still done by every herdsman's family nowadays. Of baked products the most important is flatbread, which is made on the sides of pots at camp sites.

Сушка сыра *курт*. Долина реки Суусамыр
Kurt cheese drying. Suusamyr River Valley

Изготовление сыра *курт*. Долина реки Суусамыр
Making *kurt* cheese. Suusamyr River Valley

Разделяние жертвенного барана у *мазара*
Манжалы-Ата. Озеро Иссык-Куль

Skinning a sacrificial ram near *Manzhaly-Ata mazar* (holy place). Lake Issyk-Kul

Вяление мяса. Долина реки Суусамыр
Dry-curing of meat. Suusamyр River Valley

Промывание легких барана для приготовления блюда *олобо*. Перевал Чийирчик
Washing a ram's lungs prior to preparing the *olobo* dish. Chiyirchik Pass

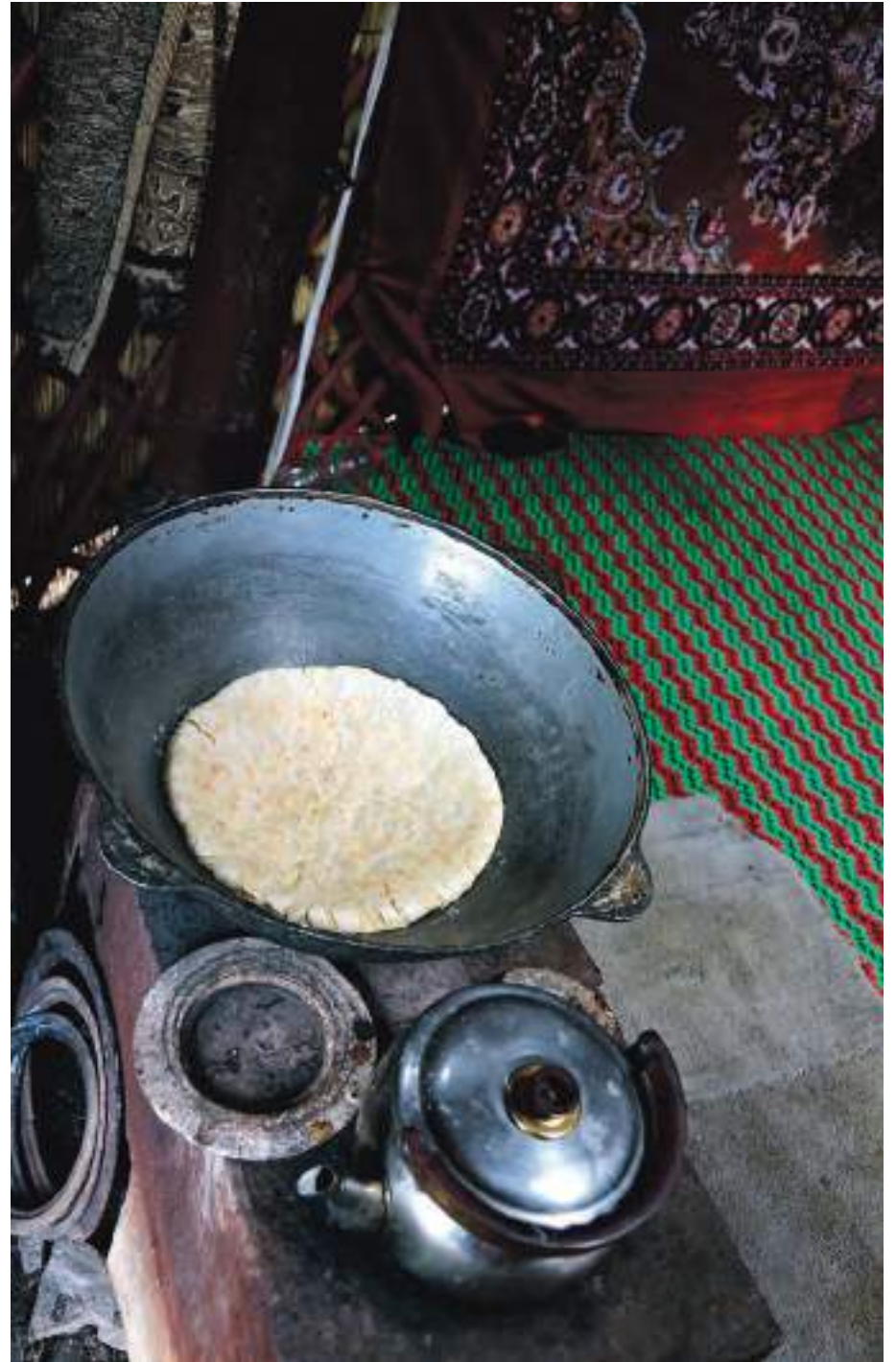

Выпекание лепешек. Алайская долина
Baking flatbread. Alai Valley

Придорожная торговля кумысом и сыром *курт*. Перевал Чийирчик
Roadside trade in *kumys* and *kurt* cheese. Chiyirchik Pass

Летовка. Дастархан для гостей. Долина реки Суусамыр
Summer yurt camp. *Dastarkhan* spread for guests. Suusamyr River Valley

Среди киргизских жен встречаются довольно красивые типы. Румяные, полные, с великолепными белыми зубами, киргизки представляют полный контраст своим мужьям. Всегда занятая своим хозяйством, а иной раз и грудными ребятами, киргизка никогда не теряет благообразного вида. На ней всегда чистая рубашка и вымытый халат. Волосы ее всегда заплетены во множество длинных косичек со вплетенными в них украшениями. Самый счастливый день для женщин – это перекочевка с одного места на другое. Придется проехать по новым местам, встретить много *батырей* (юношей), проехать через несколько аулов. И, разобрав свои юрты и навьючив все имущество на верблюдов и на памирских яков, киргизки одевают свои шелковые халаты, серебряные пряжки, украшенные бирюзой, коралловые бусы. На голову навертывается огромная чалма, перевязанная разноцветными лентами. В косы вплетаются серебряные побрякушки, и вот, смеясь и скаля свои здоровые, ровные зубы, садится она на украшенных ленточками и лоскутками верблюдов...

ОДЕЖДА CLOTHES

Fairly beautiful types are not uncommon among the Kirghiz womenfolk. Their pink-cheeked buxom ladies with fine white teeth present a sharp contrast to their husbands. Although constantly busy with domestic chores or even suckling their babies, the Kirghiz woman never ignores her looks. She always wears a clean shirt and a freshly washed gown. Her hair is arranged in numerous thin braids with adornments woven into them. The happiest day for the women of the family is the moving from one location to another, which involves travelling to new places, encountering many *batyrs* (young men) and passing through several *auls* (villages) on the way. So after dismantling their yurts and loading all their possessions on the backs of camels and Pamir yaks, the Kirghiz women will put on their silk gowns with silver turquoise-decorated buckles and their coral beads. They wrap their heads in big turbans with multi-coloured ribbons. With silver trinkets woven into her braids, the wife finally gives a laugh, displaying her healthy regular teeth, and sits on the back of the camel decorated with ribbons and strips of cloth.

Женщины в традиционной одежде. Перевал Гурумды. 1901
Group of women in traditional clothes. Gurumdy Pass. 1901

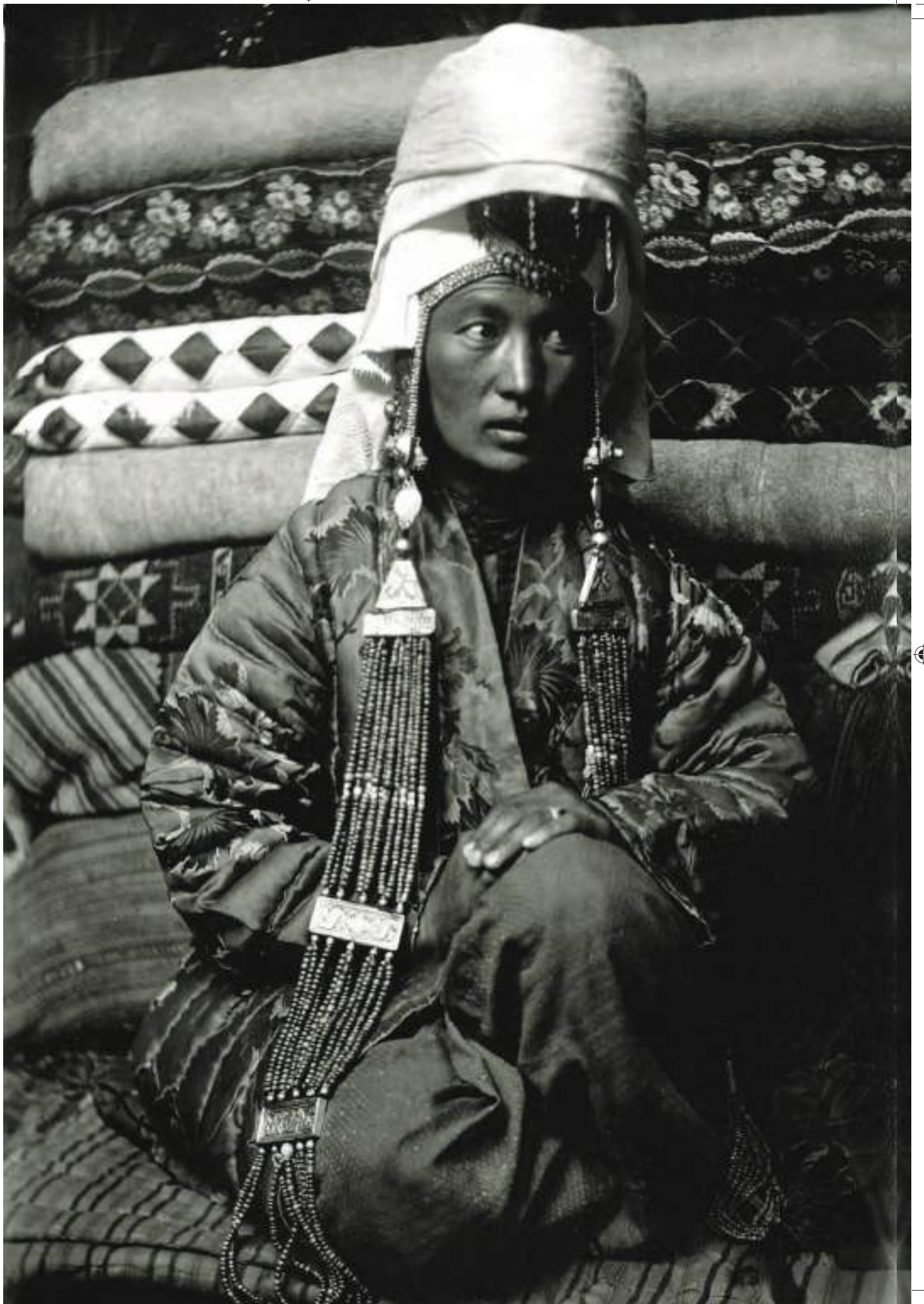
Навертывание женской чалмы молодухи – *илечек*. 1927

Winding a married young woman's turban (*ilechek*) round the head. 1927

Замужняя женщина. 1929

Married woman. 1929

С. П. М. И. А. Л. И. И. 1913

Э.О.Р.М.И.А.Л.Ш.1913

Киргизка в головном
уборе *чили́к*. 1901

Kirghiz woman in
a *chilik* headgear. 1901

Руководитель объединения мастериц центра народных ремесел Бусудат Сатынбалдиева в традиционном костюме. Поселок Сары-Могол
Busudat Satynbaldiyeva, Chair, Association of women artisans, Folk Arts Centre, in traditional clothes. Sary-Mogol settlement

Женщина в традиционном костюме. Поселок Сары-Могол
Woman in traditional dress. Sary-Mogol settlement

Максат Темирбаева.
Поселок Кашка-Су

Maksat Temirbayeva.
Kashka-Su settlement

Праздник в поселке
Чон-Каракол

Festive occasion
in Chon-Karakol settlement

Праздник в поселке Чон-Каракол
Festive occasion in Chon-Karakol settlement

В августе-сентябре женщины засядут за пряжу ковров да за шитье одежды. А мужчины будут сидеть подле юрт в бараньих длинных армяках, перевязанных шарфом, и в остроконечных шапках, будут вести длинные, скучные [...] беседы и жевать табак, а если приедет гость, будут есть жирное мясо и обтирать руки о свои кожаные просаленные штаны.

РЕМЕСЛА TRADES

In August or September women habitually set to work weaving rugs or making new clothes. Meanwhile, men, who wear pointed caps and long sheepskin coats tied with scarves, take seats by the yurts and spin lengthy boring tales and chew their tobacco; if a guest arrives, they eat fat mutton, wiping their hands on their soiled leather trousers.

Раскладывание шерсти для приготовления кошмы. 1925

Arranging wool to make a *koshma* felt mat. 1925

Пушение шерсти перед валянием (*джун сабайт*). Аул Чон Узынгыр. 1929
 Fluffing wool before felting (*dzhun sabait*). Chon Uzynghyr aul. 1929

Ручное валяние кошмы (*колменен кеиз турет*) – доканчивание. Аул Чон Узынгыр. 1929
 Manual felting of a *koshma* mat (*kolmenen keiz turet*) – finishing. Chon Uzynghyr aul. 1929

Выкладывание рисунка шерстью на *кошме* (*ширдамал-дак*). Аул Чон Узынгыр. 1929
Laying out a wool pattern on a *koshma* (*shirdamal-dak*). Chon Uzynghyr aul. 1929

Выкладывание цветного рисунка шерстью на *кошме*. Аул Чон Узынгыр. 1929
Laying out a wool pattern on a *koshma*. Chon Uzynghyr aul. 1929

Приготовление основы для сукна. 1924
Preparing warp to weave worsted. 1924

Разборка шерсти. 1929
Cleaning wool before spinning. 1929

Тканье ковра. 1901
Carpet weaving. 1901

Тканье верблюжьей армячины. Урочище Гукдеве. 1901
Weaving camel wool coat cloth. Gukdeve landmark locality. 1901

Медно-плавильные горны у станции Улучат. 1901
Copper-smelting furnaces near the village of Uluchat. 1901

Изготовление кирпичей. 1929
Brick making. 1929

В кузнице. 1929
In a forge. 1929

Обработка шерсти и поныне занимает ведущее место среди традиционных женских ремесел. Основной продукцией этого домашнего промысла являются теплые войлочные и тканые изделия, а также узорные циновки.

Древним сложным искусством является тканье шерстяных узорных полос, из которых можно сшить любые изделия – паласы, мешки, попоны. Ткут на традиционном горизонтальном станке, причем нити основы навивают прямо на вбитые в землю колышки. Также широко распространены узорные циновки (ширмы, дверные завесы), изготовленные из обвитых шерстью стеблей степного растения *чий*.

Wood processing still plays a leading role among women's traditional crafts. The main products of this occupation are warm felt and woven clothes, as well as patterned grass mats. Another ancient craft is the weaving of woollen patterned lengths, from which various things can be sewn, such as carpets, sacks or horse trappings. Traditional horizontal looms are used in the weaving, with warp thread wound round pegs stuck in the ground. Kirghiz folk art is also famous for its mats because of their amazing eye-catching quality; made of wool-covered stems of the steppe grass called *chiy*, they are used as pretty screens or door curtains.

Плетение аркана. Поселок Сары-Могол
Weaving a lasso. Sary-Mogol settlement

Плетение аркана. Поселок Сары-Могол
Weaving a lasso. Sary-Mogol settlement

Сучение нити
Twisting threads

Навивание основы для ткацкого станка *ормек*. Поселок Сары-Могол
Winding warp for an *ormek* loom. Sary-Mogol settlement

Ткачиха за работой на станке *ортек*.
Поселок Сары-Могол

Woman weaver at work with an
ortek loom. Sary-Mogol settlement

Изготовление узорных войлоков *шурдак*. Поселок Сары-Могол

Making *shirdak* patterned felts. Sary-Mogol settlement

Кузница. Поселок Чон-Каракол
Forge. Chon-Karakol settlement

Житель поселка Сары-Могол
Inhabitant of Sary-Mogol settlement

Изготовление кирпичей. Поселок Сары-Могол
Making bricks. Sary-Mogol settlement

Похороны у киргизов совершаются так: тело заворачивают в особого рода саван, называемый ахрет. Последний состоит из нескольких простынь – трех для мужчины и пяти или семи для женщин. Для могилы киргизы обыкновенно выбирают возвышенную холмистую местность поблизости старых могил, на краю какого-нибудь кургана или далее на самом кургане. Когда тело зарыто и над могилою насыпаны камни, все возвращаются домой и, приближаясь к аулу, разом с криком пускают лошадей во весь опор. Мчатся с такой быстротою, что многие падают с лошадей и разбивают себе головы. Затем с плачем слезают с лошадей, здороваются друг с другом и при общей тишине мулла читает Коран.

После поминок присутствовавшим раздаются в виде подарков различные предметы домашнего обихода, принадлежавшие покойному. Первые три дня в юрте покойника нельзя варить пищу, если не перенесут юрту на новое место.

ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ BELIEFS AND RITES

The Kirghiz perform their funerary rite as follows: they wrap the dead body in a cerecloth they call akhret. It consists of several sheets: three for males and five or seven for females.

They usually choose a burial site in a hilly terrain near their old graves, on the edge of a mound or even up the mound itself. After burying the body and piling rocks on the grave, the whole party returns home; when they approach their aul village, each of them gives a shriek and breaks into a gallop, riding so fast that many drop from horses, smashing their heads. Then they dismount, weeping, exchange greetings and as complete silence settles, the mullah proceeds to read the Quran.

After a funeral repast the people attending are handed out various utensils that belonged to the deceased. No cooking is permitted in the dead man's yurt unless the tent has been relocated.

На поминках (*аш*). Долина Катта-Ке. 1927
At a funeral repast (*ash*). Katta-Ke Valley. 1927

Вдовы К. Дуоткулова под траурными покрывалами с детьми в юрте. 1925
Children and K. Duotkulov's widows in mourning veils in a yurt. 1925

Женщина в траурном головном уборе на реке Така. 1901
Woman in a mourning headgear on the River Taka. 1901

Обед баб на поминках. Урочище Баука. 1901
Women at a funeral repast. Bauka landmark locality. 1901

Поминки (*аш*) по богачу киргизу Узбекову. Село Токмак. 1925
Funeral repast (*ash*) for rich Kirghiz named Uzbekov. Village of Tokmak. 1925

У юрты аксакалов – распорядителей поминок. Долина Катта-Ке. 1927
Near the *aksakals'* yurt: time of a funeral repast. Katta-Ke Valley. 1927

Борьба на поминках. 1927
Wrestling match accompanying
a funeral repast. 1927

Участники скачек на поминках. 1927
Horse race riders at a funeral repast. 1927

Кладбище. 1927
Cemetery. 1927

Поминки (*аш*) по богачу киргизу
Узбекову. Село Токмак. 1925

Funeral repast (*ash*) for rich
Kirghiz named Uzbekov.
Village of Tokmak. 1925

Намогильная постройка (*кумбас*). 1927
Kumbas over-grave structure. 1927

Скачки на поминках. Долина Катта-Ке. 1927

Horse race riders at a funeral repast. Katta-Ke Valley. 1927

Обряды жизненного цикла – рождение, свадьба, похороны – имеют особое значение как поворотные события в человеческой жизни. Центральные моменты этих обрядов на протяжении веков не претерпели особых изменений. В комплексе детской обрядности ритуально отмечены положение в колыбель, окончание сорокадневного периода ритуальной изоляции ребенка, его первые шаги. Свадьба имеет устойчивую структуру и состоит из нескольких этапов – сватовства, встречи жениха и увоза девушки из родительского дома, встречи невесты в доме мужа, открывания лица невесты и смотрин ее приданого. Похоронная обрядность наиболее консервативна. Хоронят по обычаю на третий день с соблюдением мусульманских норм погребения. При правильном выполнении поминальных обрядов после окончания траура душа умершего становится *арбаком* – духом предков, который мог оказывать живым свое покровительство.

The rituals of human life cycle – birth, marriage and funeral – are of particular significance as turning points in human life. Their focal moments have not changed much over the centuries. Infancy rituals are marked by such events as putting the baby into the cradle for the first time, the end of the baby's ritual 40-day isolation and its first steps. The marriage ceremony has a steady structure and consists of several stages of matchmaking, meeting the groom and being carried away from her home, meeting the bride in her future husband's home, unveiling the bride and inspection of her trousseau. Especially conservative is the funeral rite. The deceased is buried by custom on the third day after death with observance of all rules of Moslem interment. Provided all the commemorative rites have been performed correctly, the deceased person's soul becomes an *arbak* (spirit) of the ancestors, who are capable of patronizing the living.

Деталь намогильного сооружения. Поселок Гульча
Detail of structure on the gravestone. Gulcha settlement

Намогильные сооружения на кладбищах. Поселок Гульча
Over-grave structures at cemeteries. Gulcha settlement

Кладбище. Поселок Сары-Таш
Cemetery. Sary-Tash settlement

Ворота кладбища. Поселок Сары-Таш
Cemetery gate. Sary-Tash settlement

Ворота кладбища. Поселок Сары-Таш

Cemetery gate. Sary-Tash settlement

Аксакалы на похоронах.
Поселок Чон-Каракол

Aksakals at a funeral.
Chon-Karakol settlement

Около базара в Оше. 1929
Bazaar neighbourhood in the city of Osh. 1929

Гора Тахт-и-Сулейман. 1929
Mount Takht-e-Soleyman. 1929

Целебный камень на горе
Тахт-и-Сулейман. Город Ош

Healing stone on Mount
Takht-e-Soleyman. City of Osh

Молитва. Озеро Сонг-Куль Prayer. Lake Song-Kul

Одним из самых известных и популярных святых мест является гора Тахт-и-Сулейман – «Трон Сулеймана», расположенная в центре города Оша. Много легенд сложено про это место. Как рассказывают аксакалы, в незапамятную старину Бог наградил Сулеймана за мудрость и благочестие, подарив ему каменный трон, поднять который могли только 500 джинов. Повинуясь воле праведного царя, джины перенесли его трон на край света, в благоухающую свежестью долину с ожерельем из снежных вершин. Посещение этой святыни приравнивается к малому хаджу, поэтому многие киргизы стремятся хотя бы раз в жизни прикоснуться к святым камням. По мнению верующих, здесь, на горе Сулеймана, страждущие получают успокоение, больные – излечение. Особенно популярна эта святыня среди женщин, страдающих бесплодием.

One of the best-known and popular holy places is Mount Takht-e-Soleyman, “Soleyman’s Throne”, located in the centre of the city of Osh. Many legends have been created about the place. As *aksakals*’ stories have it, in times immemorial God rewarded Soleyman for his wisdom and piety with a stone throne that required 500 jinns to lift it. Obeying the pious king’s will, the jinns carried his throne to the end of the world into a valley full of flowers and fragrance and surrounded by a necklace of snow-capped peaks. Pilgrimage to this holy place is likened to a minor hajj, therefore many people strive to touch the sacred rocks at least once in their life. In the opinion of the believers, on Soleyman Mount sufferers get relief and the sickly are cured. This sacred place is particularly popular with women suffering from infertility.

У стен мавзолея Караханидов. Город Узген
By the walls of the Karakhanids' Tomb. Town of Uzgen

Мечеть. Поселок Сары-Могол
Mosque. Sary-Mogol settlement

Намаз. Поселок Сары-Могол
Muslim prayer. Sary-Mogol settlement

Интерьеры мечетей
Mosque interiors

Мулла в мечети на горе Тахт-и-Сулейман. Город Ош
Mullah in the mosque on Takht-e-Soleyman Mount. City of Osh

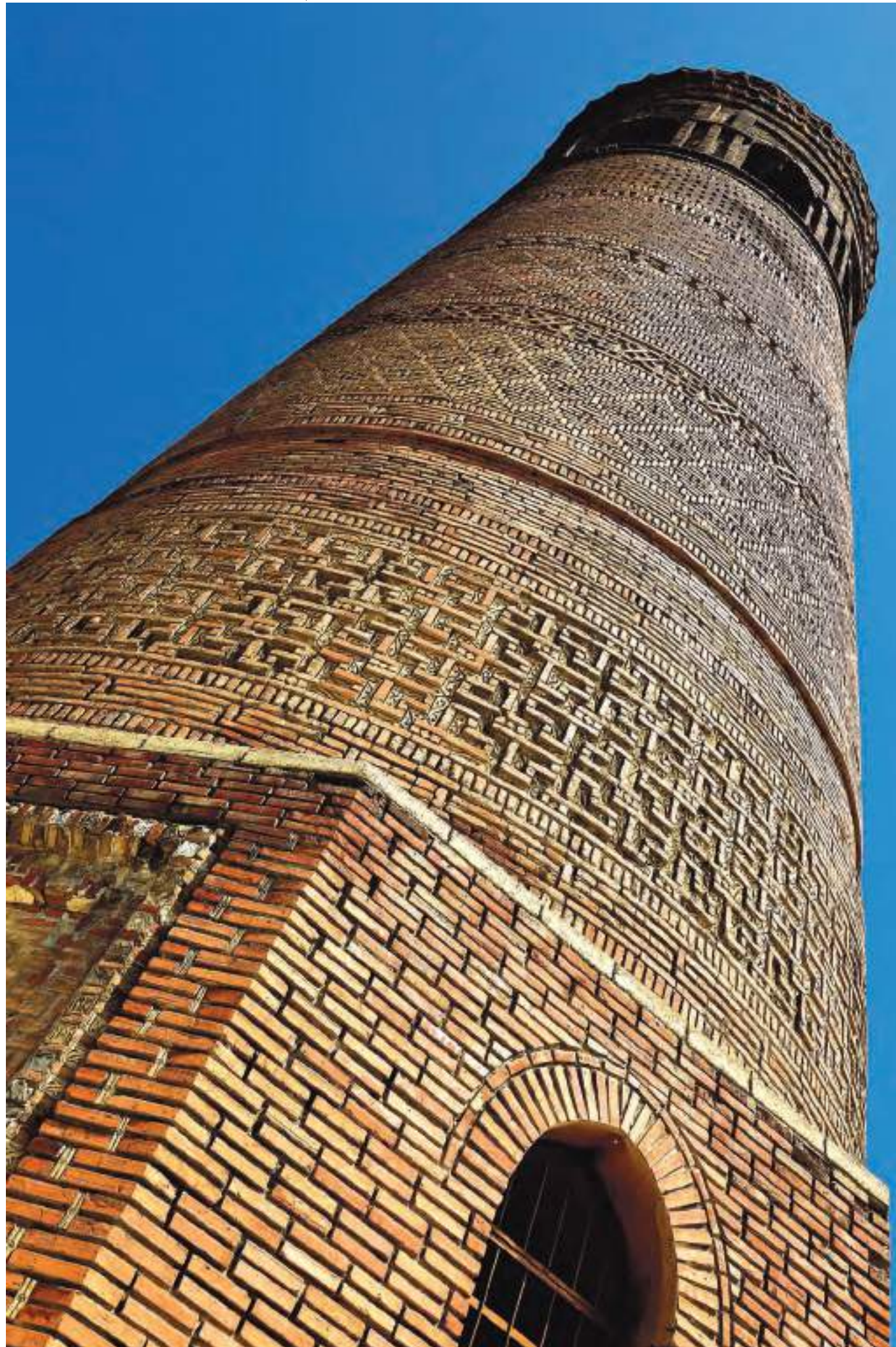

Мечеть. Поселок Кульджа
Mosque. Kuldzha settlement

Минарет. Город Узген
Minaret. Town of Uzgen

На киргизской земле с глубокой древности сосуществовали две цивилизации – скотоводческая и земледельческая, которые находились в постоянном взаимодействии, в том числе и в торговых отношениях. Вдоль караванных дорог и, прежде всего, в оазисах Ферганской долины возникали базары, где осуществлялась как меновая, так и денежная торговля. Здесь человек может найти все, что пожелает – от простой лепешки до бесценного ковра. Особое явление представляет собой скотный базар, где старинные правила торговли и ее тайный язык жестов не утратили своего значения. Для восточных культур базар всегда являлся местом общения, культурных контактов, обмена не только товарами, но и духовными ценностями. Непременным атрибутом базара является чайхана, в которой за трапезой проходят неторопливые беседы ее посетителей.

БАЗАР BAZAARS

Since remote antiquity the Kirghiz land has sustained two co-existing cultures based, respectively, on herding and crop farming, which always maintained mutual relationship and interaction, especially in the field of trade. Along caravan routes, primarily in the Fergana Valley, bazaars emerged both for barter and money-based trade. These market places offer anything one could wish, from a plain flat cake to a priceless carpet. But particularly original is the livestock and cattle bazaar, where the ancient rules of trade and its secret body language have retained their importance. In Oriental cultures the bazaar has always been a centre for communication and cultural contacts, where exchange was not confined to mundane commodities, but included spiritual values as well. The *chaikhana* tea house has always been part and parcel of the bazaar as it enables its guests to converse unhurriedly over their meals.

Базар. Город Узген   Bazaar. Town of Uzgen

На базаре. Город Узген
Bazaar. Town of Uzgen

Торговля лепешками. Город Узген
Selling flatbread. Town of Uzgen

Выпечка лепешек в глиняной печи *тандыр*. Город Ош
Baking flatbread in a *tandyr* clay oven. City of Osh

Мясные ряды. Город Узген
Butchers' rows. Town of Uzgen

Выпечка самсы. Город Ош
Baking *samsa* pies. City of Osh

В чайхане. Город Ош
In a *chaikhana*. City of Osh

Торговля газированной
водой. Город Ош

Selling aerated water.
City of Osh

На скотном базаре. Город Ош
At a livestock and cattle bazaar. City of Osh

Заклучение сделки. Скотный базар. Город Ош
Striking a deal. Livestock and cattle bazaar. City of Osh

Торговля платками. Город Ош
Selling kerchiefs. City of Osh

Торговля колыбелями. Город Ош
Selling cradles. City of Osh

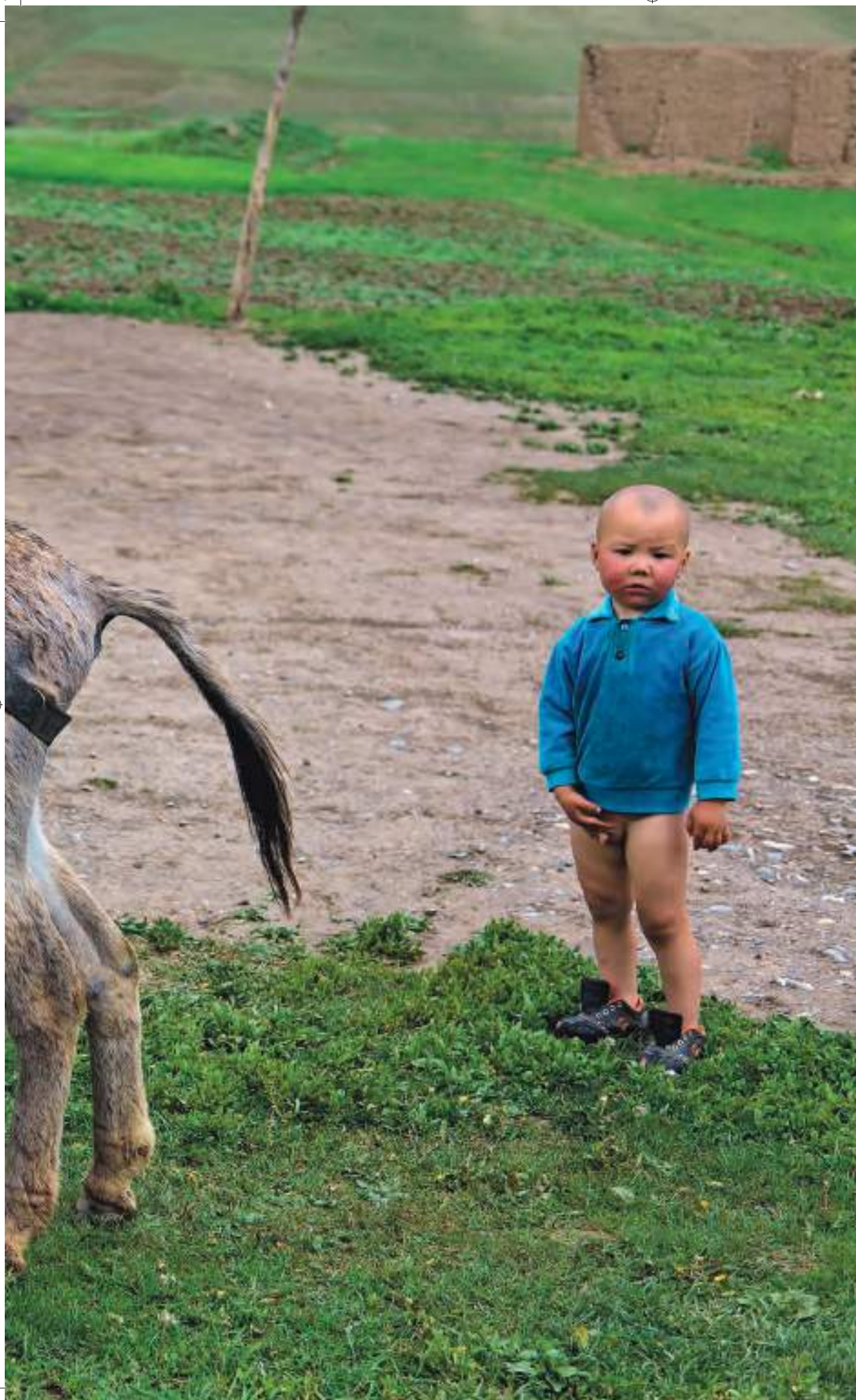
С базара. Город Ош
Returning from the bazaar. City of Osh

Бабушка и внуки.
Поселок Сары-Могол

Grandmother and grandchildren.
Sary-Mogol settlement

Героический эпос «Манас» является для киргизов особой духовной ценностью, став в наши дни национальным символом культуры. Герой Манас, объединивший киргизов в жестокой борьбе с врагами, воплощает лучшие качества народа – доблесть, независимость, справедливость. Сказители эпоса манасчи получали свой дар, подобно шаманам, от высших сил. Они всегда были окружены почитанием и уважением, ни один праздник не обходился без чтения сюжетов «Манаса». В этом отношении киргизская традиция демонстрирует исключительную устойчивость – сказители разного возраста продолжают сохранять завещанные предками сокровища народной мудрости.

The heroic Epic of *Manas* is of particular spiritual value to the Kyrgyz as it has nowadays become a national symbol of their culture. Its hero Manas, who united the Kyrgyz in their fierce struggle with enemies, embodies the best qualities of the Kyrgyz people, such as valour, independence and sense of justice. Like *shamans*, the *manaschi* narrators of *Manas* are believed to have been endowed with their gifts by superior forces. They have always been surrounded by reverence and respect, and no festival was conceivable without recitation of episodes from *Manas*. In this respect the Kyrgyz tradition has proved exceptionally tenacious as narrators of different ages have kept on preserving treasures of folk wisdom bequeathed by their ancestors.

Пятилетний сказитель эпоса «Манас»
Умот Доолотов. Город Чолпон-Ата

Umot Doolotov, five-year old narrator
of *Manas* epic. Town of Cholpon-Ata

Город Бишкек City of Bishkek

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОТОГРАФИЙ

Фотограф С.М. Дудин

Коллекция 43. Алайская долина. 1901
43-21 (с. 2–3); 43-35 (с. 25 вверху); 43-45 (с. 121 вверху);
43-53 (с. 28); 43-56 (с. 29); 43-59 (с. 21 первая слева);
43-60 (с. 21 третья слева); 43-63 (с. 173); 43-65 (с. 136–137);
43-71 (с. 46 справа вверху); 43-80 (с. 43); 43-83 (с. 60);
43-84 (с. 119 справа); 43-89 (с. 155 вверху справа);
43-95 (с. 155 внизу справа); 43-107 (с. 174); 43-110 (с. 156);
43-126а (с. 21 пятая слева); 43-131а (с. 20 четвертая слева);
43-142 (с. 20 шестая слева); 43-146а (с. 140); 43-146б (с. 141).

Коллекция 44. Сырдарьинская область. 1902
44-3 (с. 25 внизу); 44-9 (с. 24); 44-11 (с. 20 седьмая слева);
44-14 (с. 22–23); 44-36 (с. 102–103); 44-42 (с. 108);
44-43 (с. 107); 44-44 (с. 47); 44-50 (с. 121 внизу);
44-57б (с. 21 шестая слева).

Фотограф Ф.А. Фиельструп

Коллекция 3928. Киргизская автономная республика.
Семиречье: Пишпекский, Нарынский, Каракольский уезды. 1924
3928-6 (с. 20 третья слева); 3928-12 (с. 154); 3928-17 (с. 80–81).

Коллекция 4417. Киргизская автономная республика,
Семиречье, Пишпекский округ. 1925
4417-2 (с. 175 внизу); 4417-3 (с. 178 внизу); 4417-4 (с. 175 вверху).

Коллекция 4419. Киргизская автономная республика,
Семиречье и Фергана. Пишпекский, Караколо-Нарынский округа,
Ферганская область. 1925
4419-5 (с. 172); 4419-7 (с. 84–85); 4419-15 (с. 45 вверху);
4419-16 (с. 45 внизу); 4419-19 (с. 150–151); 4419-29 (с. 44).

Коллекция 4594. Киргизстан, Ошский округ, Бульчинский,
Гульчинский, Кульчинский районы. 1927
4594-8 (с. 176); 4594-9 (с. 170–171); 4594-12 (с. 177 вверху);
4594-14 (с. 177 внизу); 4594-17 (с. 180–181); 4594-24 (с. 120);
4594-27 (с. 138 в центре); 4594-28 (с. 138 слева);
4594-29 (с. 138 справа); 4594-30 (с. 20 первая слева);
4594-34 (с. 46 внизу слева); 4594-38 (с. 61 внизу);
4594-40 (с. 179); 4594-41 (с. 178 вверху).

Фотограф Б.Д. Гиммер

Коллекция 4541. Киргизстан, Горное Семиречье.
1915-е –1920-е годы
4541-6 (с. 20 пятая слева); 4541-7 (с. 21 вторая слева);
4541-12 (с. 106); 4541-13 (с. 118); 4541-14 (с. 116–117);
4541-28 (с. 64).

Фотограф неизвестен

Коллекция 5152. Киргизская АССР. Ошский округ,
Алайская долина; Каракольский кантон,
Чолпан-Атинская волость, Чуйский район. 1929–1930
5152-11 (с. 46 внизу справа); 5152-14 (с. 40–41);
5152-17 (с. 42); 5152-19 (с. 61 вверху); 5152-24 (с. 62);
5152-27 (с. 119 слева); 5152-28 (с. 122); 5152-29 (с. 83);
5152-30 (с. 155 слева); 5152-35 (с. 82 внизу);
5152-36 (с. 157 вверху); 5152-37 (с. 157 внизу);
5152-38 (с. 21 четвертая слева); 5152-41 (с. 139);
5152-43 (с. 123); 5152-44 (с. 105); 5152-45 (с. 20 вторая слева);
5152-46 (с. 104); 5152-48 (с. 109); 5152-50 (с. 190);
5152-51 (с. 191).

Фотограф Б.Н. Бычков

Коллекция 5302. Киргизская АССР. 1929–1930
5302-1 (с. 82 вверху); 5302-4 (с. 63 внизу слева);
5302-5 (с. 63 справа); 5302-6 (с. 63 вверху слева);
5302-8 (с. 152 вверху); 5302-11 (с. 152 внизу);
5302-13 (с. 153 вверху); 5302-15 (с. 153 внизу).

Фотограф Б.Л. Громбчевский

Коллекция 5431. Памир (Северо-Западный Тибет). 1889–1890
5431-23 (с. 46 вверху слева); 5431-45 (с. 65).

Фотограф Н. Нехорошев

Коллекция 5434. Туркестанский альбом. По распоряжению
туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта
К.П. фон-Кауфмана 1-го составил А.Л. Кун. 1871–1872
5434-3 (с. 26, 27).

Фотограф неизвестен

Коллекция ф 487. Стереоскопическое издательство «Свет».
Москва–Петербург, 1910
ф 487-2 (с. 58–59)

INDEX OF HISTORICAL PHOTOGRAPHS

Photographed by S.M. Dudin

Collection 43. Alai Valley. 1901

43-21 (p. 2–3); 43-35 (p. 25 bottom); 43-45 (p. 121 below);
43-53 (p. 28); 43-56 (p. 29); 43-59 (p. 21 left, first);
43-60 (p. 21 from left to right, third); 43-63 (p. 173);
43-65 (pp. 136–137); 43-71 (p. 46 bottom, right); 43-80 (p. 43);
43-83 (p. 60); 43-84 (p. 119 right); 43-89 (p. 155 below, right);
43-95 (p. 155 bottom, right); 43-107 (p. 174); 43-110 (p. 156);
43-126a (p. 21 from left to right, fifth); 43-131a (p. 20 from left
to right, fourth); 43-142 (p. 20 from left to right, sixth);
43-146a (p. 140); 43-1466 (p. 141).

Collection 44. Syrdaria Region. 1902

44-3 (p. 25 bottom); 44-9 (p. 24); 44-11 (p. 20 from left to right,
seventh); 44-14 (pp. 22–23); 44-36 (pp. 102–103); 44-42 (p. 108);
44-43 (p. 107); 44-44 (p. 47); 44-50 (p. 121 bottom);
44-576 (p. 21 from left to right, sixth).

Photographed by F.A. Fielstrup

Collection 3928. Kirghiz Autonomous Republic. Semirechye:
Pishnek, Naryn and Karakol Uyezds. 1924

3928-6 (p. 20 from left to right, third); 3928-12 (p. 154);
3928-17 (pp. 80–81).

Collection 4417. Kirghiz Autonomous Republic. Semirechye:
Pishnek Territory. 1925

4417-2 (p. 175 bottom); 4417-3 (p. 178 bottom);
4417-4 (p. 175 below).

Collection 4419. Kirghiz Autonomous Republic. Semirechye
and Fergana. Pishnek, Karakolo-Naryn Areas, Fergana Region. 1925

4419-5 (p. 172); 4419-7 (pp. 84–85); 4419-15 (p. 45 below);
4419-16 (p. 45 bottom); 4419-19 (pp. 150–151); 4419-29 (p. 44).

Collection 4594. Kirghizstan, Osh Area, Bulchinsk, Gulchinsk
and Kulchinsk Districts. 1927

4594-8 (p. 176); 4594-9 (pp. 170–171); 4594-12 (p. 177 below);
4594-14 (p. 177 bottom); 4594-17 (pp. 180–181);
4594-24 (p. 120); 4594-27 (p. 138 center); 4594-28 (p. 138 left);
4594-29 (p. 138 right); 4594-30 (p. 20 from left to right, first);
4594-34 (p. 46 bottom); 4594-38 (p. 61 bottom); 4594-40 (p. 179);
4594-41 (p. 178 below).

Photographed by B.D. Gimmer

Collection 4541. Kirghizstan, Mountainous Semirechye.
1915–1920s

4541-6 (p. 20 from left to right, fifth); 4541-7 (p. 21 from left
to right, second); 4541-12 (p. 106); 4541-13 (p. 118);
4541-14 (pp. 116–117); 4541-28 (p. 64).

Photographer not known

Collection 5152. Kirghiz ASSR. Osh Area, Alai Valley;
Karakol Canton, Cholpan-Ata Volost, Chui District. 1929–1930

5152-11 (p. 46 below, right); 5152-14 (pp. 40–41);
5152-17 (p. 42); 5152-19 (p. 61 below); 5152-24 (p. 62);
5152-27 (p. 119 left); 5152-28 (p. 122); 5152-29 (p. 83);
5152-30 (p. 155 left); 5152-35 (p. 82 bottom);
5152-36 (p. 157 below); 5152-37 (p. 157 bottom);
5152-38 (p. 21 from left to right, fourth); 5152-41 (p. 139);
5152-43 (p. 123); 5152-44 (p. 105); 5152-45 (p. 20 from left
to right, second); 5152-46 (p. 104); 5152-48 (p. 109);
5152-50 (p. 190); 5152-51 (p. 191).

Photographed by B.N. Bychkov

Collection 5302. Kirghiz ASSR. 1929–1930

5302-1 (p. 82 below); 5302-4 (p. 63 bottom, left);
5302-5 (p. 63 right); 5302-6 (p. 63 below, left);
5302-8 (p. 152 below); 5302-11 (p. 152 bottom);
5302-13 (p. 153 below); 5302-15 (p. 153 bottom).

Photographed by B.L. Grombchevsky

Collection 5431. Pamir (North-Eastern Tibet). 1889–1890
5431-23 (p. 46 below, left); 5431-45 (p. 65).

Photographed by N. Nekhoroshev

Collection 5434. Turkestan Album. On instructions
by the Turkestan Governor General General-Adjunct
K.P. von Kaufman I, compiled by A.L. Kun. 1871–1872
5434-3 (pp. 26, 27).

Photographer not known

Collection ϕ 487. Stereoskopicheskoe izdatelstvo “Svet”.
Moscow–St. Petersburg, 1910
 ϕ 487-2 (pp. 58–59)

Подписи к историческим фотографиям на с. 20–21:

Охотник с ловчей птицей (*ку ке*). 1927
Внутри кибитки. 1929
Садвахас Ходжакинов с семьей. Летовка на берегу озера Сон-Куль в урочище Шорбын-сайе. 1924
Киргизка-кипчак. Река Така. 1901
Старик с сыном. 1901
Девочка. Урочище Баука. 1901
Снежный мост у перевала Турпак-Бел. 1902
Бай и его жены. Урочище Гукдеве. 1901
Старик. 1901
Женщины киргизки в праздничной одежде. 1901
Ребенок в кибитке. 1929
Киргиз 60-ти лет. Урочище Баука. 1901
Женщина. Майдантальская долина. 1902

Inscriptions for Historical Photographs on p. 20–21:

Falconer with his bird (*ku ke*). 1927
Inside a *kibitka* cart. 1929
Sadvakhas Khodjakinov with family. Summer camp in Shorbyn-Saye Locality on Lake Son-Kul. 1924
Kipchak Kirghiz woman. River Taka. 1901
Old man and his son. 1901
Little girl. Locality Bauka. 1901
Snow bridge near Turpak-Bel Pass. 1902
Bai and his wives. Locality Gukdeve. 1901
Old man. 1901
Kirghiz women in festive clothes. 1901
Child in a *kibitka* cart. 1929
Boti Let Kirghiz man. Locality Bauka. 1901
Woman. Maidantal Valley. 1902

В РИТМЕ КОЧЕВИЙ NOMADIC RHYTHMS

Том II / Volume II – 2011

АО «Славия», 191186 Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 25, оф. 58
Отпечатано в типографии «НП-Принт», Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15